

Сергей ДИГОЛ

Сергей Дигол родился в 1976 году в Молдавии. В 1998 году окончил исторический факультет Молдавского государственного университета. Публиковался в журналах «Нева», «Москва», «Дружба народов». Живет в Кишиневе. В «Волге» публикуется с 2010 года.

БУДЬ ПО-МОЕМУ

Повесть

1

Заговорив с шофером на скорости всего-то шестьдесят километров в час, я едва не становлюсь виновником аварийной ситуации. Сидящий за рулем Виктор – образец личного водителя, и мне становится не по себе, когда я понимаю, насколько он не готов к неожиданным поворотам – не то что судьбы, а всего лишь движения по трассам родной для нас обеих Молдавии. Я не выдерживаю, брезгливо морщусь, глядя на его взмокшую шею, туго перетянутую белым воротничком, привычно застегнутым на верхнюю пуговицу.

А как хорошо и обычно начинался для Виктора этот день! С вечера он спокойно составил маршрут, точно зная время выезда из Кишинева и цель поездки. Полдесятого утра, районный центр Чимишлия, офис фирмы «Джомерт Ага». Могу поспорить, он даже знал, с поправкой максимум в полчаса, точное время возвращения в Кишинев. За двенадцать лет работы мой водитель обрел талант провидца, по меньшей мере в том, что касается способности его босса, то есть меня, вести переговоры с клиентом так, чтобы даже из самых муторных «терок» выходить с честью и в худшем случае через час-полтора.

Но сегодня я озадачиваю его уже на развилке, на самом выезде из Чимишлии.

– Поедем через Каушаны, – говорю я, и от неожиданности Виктор бьет по тормозам.

И хотя решение я принимаю спонтанно, в его основе – обоснованные эмоции от как нельзя кстати заключенного контракта. Официального договора между нашими компаниями, в двух экземплярах, один из которых, облегаемый пленкой канцелярского файла, лежит слева от меня, на заднем сиденье служебного «Ауди».

Я обожаю переговоры с клиентами. Деньги, разумеется, важны, но в момент достижения сделки главное для меня – это фиаско клиента. Именно так: не столько моя победа, сколько поражение соперника на грани унижения. Это ведь унижительно – осознавать, что заключаешь контракт с типом, которому не просто отвалишь уйму денег, но и вынужден выслушивать его запелляционные нравоучения, которые он оборачивает в слова и фразы, смысла которых мои любимые клиенты не в силах понять. Да и смысл этот еще надо поискать, и в его возможном отсутствии я совсем не чувствую своей вины. Виноват ли я в том, что так устроен мой мозг? Добывая клиента, я начинаю сыпать фразами, которые рождаются сами собой, без моего ведома, и я не всегда успеваю понять, уместны ли они и есть ли в них хоть какой-нибудь смысл? Главное – звучат они обезоруживающе, и все потому, что никто не ждет подобных оборотов от директора строительной компании.

«Технологическая неизбежность», «логистическая беспринципность», «календарная энтропия» и даже «финансовая червоточина». Черт, да я сам понятия не имею, что это за червоточина такая. Обычно после подобных выражений я быстро перехожу к практической части и вижу, как лица клиентов благодушно округляются: ну наконец-то, он не чокнутый, с ним можно иметь дело. Все-таки не зря «Фортус Констракшн» считается одним из лидеров строительного рынка. Где, вы говорите, поставить подпись?

Молдавского болгарина Александра и его фирму «Джомерт Ага» мне подбросила Корнелия, и это восьмой проект за год, которым я ей обязан. Любовниками с Корнелией мы стали не сразу, – поначалу наши компании просто сотрудничали, моя строительная и ее дизайнерская. Точнее, компания ее мужа Романа, ведь официально именно он – учредитель и единственный владелец «Винтериума», агентства, создающего дизайн интерьеров. Впрочем, мое положение не лучше, ведь по документам владельцем «Фортус Констракшн» числится моя супруга.

Дипломированный специалист по дизайну интерьера, Роман основал свою компанию сам, Ребекка же унаследовала строительный бизнес от Валентина Казаку – своего отца, бизнесмена и, разумеется, моего тестя. Роман ни шагу не делает без одобрения Корнелии, моя же суженая понятия не имеет, какое количество объектов мы строим в течение календарного года.

И все же, несмотря на регулярность совместных проектов наших компаний, ни Роман, ни Ребекка до сих пор не в курсе истинных причин столь стабильного сотрудничества. Выходит, нам с Корнелией удалось неплохо наладить личную жизнь через бизнес – без ущерба как для дел, так и для нашего продолжительного романа. Обычно инициатива исходит от Корнелии – я имею в виду не только постель. Роман разрабатывает дизайн интерьера, дальше в дело вступает Корнелия, убеждающая клиентов в том, что для воплощения в жизнь шедевра ее супруга лучшего подрядчика, чем «Фортус Констракшн», им не найти.

Но в этот раз инициатором разговора стал я, лицо же Корнелии моментально окаменело. Впрочем, так происходит при любой ерунде, которая ей не по нраву. Благодушие не изменило ей лишь по одной причине: мы едва вынырнули из водоворота страсти, и медленно остывали, перетягивая, каждый на себя, узкое и тонкое одеяло.

– Что-то случилось? – она повернулась ко мне. – Что с тобой?

– Да, в общем, все как обычно, – сказал я и потянулся к бутылке с водой. – Кредиты, мать их.

Сущая правда. Кредиты – это то, благодаря чему мой бизнес считается одним из самых успешных в строительной отрасли Молдавии. А еще из-за этих чертовых кредитов нам с Ребеккой и детьми однажды придется искать спасение на самом краю земли, как делают все безнадежные должники. Мы берем кредиты, чтобы строить, и отдаем кредиты с денег наших клиентов, которые выбирают нашу компанию из-за одного-единственного конкурентного преимущества – возможности оплаты в рассрочку. Нам же, само собой, никакие рассрочки никогда не светят. Приходится брать новые кредиты и продолжать крутить колесо этой рулетки, пока однажды не выпадет «зеро». По текущему кредитному плану «зеро» выпадет как раз в конце месяца.

– Там по частному детскому саду огромное тело кредита, а клиент полностью расплатится только к концу года, – сказал я Корнелии. – Кредит нечем закрывать, и это при том, что в работе у меня одновременно пять объектов. К маю вроде появится новый крупняк, но пока одна мелочь. Ремонт кофейни, частный медицинский кабинет, да по электрике три объекта. На зарплаты хватило бы.

Корнелия отвернулась, не отрывая головы от подушки.

– Я не хотела тебе давать его, – сказала она.

– Кого его?

– Болгарина этого, – теперь Корнелия смотрела мне в глаза. – Торгует зерном, но кажется не своим. По-моему, просто перевалочный пункт.

– Сейчас не поймешь, что чье, – пробурчал я. – Это называется глобальный рынок.

– Прекрасно, что ты такой умный, – вздохнула Корнелия и приподнялась. На мгновение ее грудь вынырнула из-под одеяла, но она быстро прикрылась, не вызвав у меня никаких чувств, кроме желания поскорее получить номер этого самого болгарина.

– Он строит огромный офис в Чимишлии, – продолжала Корнелия. – У него там три гектара в самом центре города. Решил, что его зерновые спекуляции – это навсегда. Расширяет штат раза в три, вот заказал нам индивидуальный дизайн.

– И в чем проблема? Почему я только сейчас узнаю об этом проекте?

Корнелия вздохнула.

– Хотела оградить тебя от лишних проблем. Дура потому что.

– Каких еще проблем? – возмутился я.

Клиента из Чимишлии звали Александром, и за полгода он едва не свел мужа Корнелии с ума. Первый вариант концепции интерьера, стилизованный под обстановку космического корабля из фантастического фильма, заказчик принял с восторгом, попросив доработать некоторые детали. Через месяц, после внесения более тридцати изменений, проект был отвергнут, а новая концепция, принятая после правок заказчика, должны была отражать местный колорит, но не в ущерб «динамичности и прогрессивности» компании. Работая над проектом, Роман почти потерял сон, и я, кажется, только теперь нашел приемлемое объяснение поведения Корнелии в последние месяцы. Слишком быстро она впадала в тревожившую меня неудовлетворенность даже после наших самых удачных свиданий.

– Выбрали как обычно дерьмо, – сообщила Корнелия. – Предельно вульгарный вариант мавританщины, Рома нарочно постарался. Вот это они приняли без обсуждений.

Все ясно. Вычурные арки, потолки в лепнине, паранойя геометрического орнамента, ковры, подушки и массивные люстры, серебро и охра. Для кабинета директора мебель и материалы должны быть по меньшей мере из Италии, для остальных кабинетов – не дороже китайских.

– Я не хотела, чтобы ты проходил с этим клиентом то же, что и мы с Ромой, – призналась Корнелия. – Но раз ты просишь...

Она редко ошибается, почти никогда. И какое счастье, что на этот раз Корнелия промахнулась. Видимо, после Роминых экспериментов мои сметы, наряды и таблицы были восприняты Александром как что-то родное и понятное, вроде сельскохозяйственных вредителей и уровня влажности в элеваторах. Мы быстро ударили по рукам, и воодушевившись самим фактом гарантированного финансирования до конца года, я ввел ручное управление служебным автомобилем при живом и боеспособном водителе.

– Здесь помедленнее, – скомандовал я, и Виктор, уже свыкшийся с тем, что сегодняшний маршрут может претерпевать самые неожиданные изменения, мастерски снизил скорость плавным до незаметности маневром.

– Сейчас прямо и после моста еще чуть притормаживай.

Сразу за мостом в центре Каушан – здание почты. Что здесь сейчас, представить невозможно, но и предсказать нетрудно. Может быть все что угодно, от шаурмы до секунд-хенда. Само почтовое отделение тоже, разумеется, сохранилось, вот только в

масштабах еще более скромных, чем требуется для обеспечения сегодняшних потребностей почтовой службы. Если, конечно, не учитывать бесконечные караваны с посылками, доставляющие всякое барахло из Китая.

За почтой следует школа, двухэтажное здание которой мелькает в промежутках между кронами высоких деревьев.

– Еще сбавь, – говорю я, и Виктор совершает акт форменного насилия над ауди, вынуждая машину плестись со скоростью не более пяти километров в час.

Вот он, а точнее они. Два двухэтажных дома, по восемь квартир в каждом. Точно такие же дома – их тоже два – спрятаны в глубине двора. С проезжей части они не видны, но меня не проведешь: я точно знаю, что они там есть, стоят на своих местах уже лет шестьдесят, не меньше. У второго придорожного дома Виктор получает приказ остановить машину.

– Встань на аварийке, – зачем-то уточняю я.

Даже неопытным взглядом – что к директору строительной фирмы явно не относится – невозможно не заметить, что дом как следует перестроили. Обе квартиры с торца, на первом и втором этажах, нарастили метра на два, покрыв эту часть дома утепляющей облицовкой. Ничего из ряда вон выходящего, банальный способ расширения жилплощади даже для Кишинева, не говоря уже о молдавской глубинке. К тому же прямо к дому пристроен внешний капитальный забор выше человеческого роста. Декоративная плитка, которой облицован забор, – точно такая же, какую мы с женой выбрали для дорожек, пересекающих ее зеленые владения. Ребекка обожает тратить деньги на ландшафтного дизайнера, прячась от реальности в низкорослых зарослях барбариса, вереска и гортензии, захвативших что-то около сотки земли на заднем дворе нашего дома. Плитка не дешевая, поэтому длиннющий забор, напротив которого застыл сигнализирующий «аварийкой» ауди, наверняка может претендовать на звание одного из самых дорогих в Каушанах.

– Поехали домой, – говорю я, и Виктор, словно не сразу услышав команду шефа, нажимает на педаль газа с недопустимой задержкой, секунд в десять.

Но сразу за поворотом я снова морочу ему голову и после остановки ауди быстро выхожу из машины. Передо мной – унылое одноэтажное строение, украшенное вывеской «Кафе Версаль». Сбоку от входа – три столика, над которыми нависают широкие красные зонты с белым логотипом, напоминающим о том, что даже в этой дыре всегда можно утолить жажду бутылочкой ледяной «Кока-колы». Все это сооружение ограждено завернувшим за угол забором, скелет которого укрыт от посторонних глаз роскошной дизайнерской плиткой.

Пейзаж, которым никого не удивишь в Молдавии. Картина, которую я и представить себе не мог, сбив Виктора с намеченного им курса. Нашупав Ключ в кармане брюк, я проделываю привычную манипуляцию. Тру холодное металлическое ушко большим и указательным пальцами, глажу ножку Ключа по всей длине, спускаюсь к рифлёной бородке. Нашупываю зубцы, два крайних и один посередине, с двумя одинаковыми глубокими царапинами. Жмурюсь и резко сдавливаю Ключ целиком, так, чтобы на ладони и внутренней поверхности пальцев остались похожие на кровоподтеки следы.

Затем достаю мобильный телефон и нахожу номер своего человека в кадастровом ведомстве.

– Макс, – говорю я, – разложи-ка мне по-быстрому ситуацию по одной квартире. Нет, не в Кишинева. В Каушанах. Улица Матеевича, дом двенадцать, квартира восемь.

Беготня Корнелии сбивает с мыслей не только меня. Смущает она и ее мужа, тем более что в переговорную, прерывая наш разговор, Корнелия врывается в третий раз за последние пятнадцать минут.

– Нель, что-то случилось? – не выдерживает Роман.

Корнелия терпеть не может, когда он ее так называет. По ее мнению, «Нель» звучит как какое-то надоедливое насекомое. Что ж, сегодня она и впрямь напрашивается на мухобойку.

– Могу называть тебя Корни, – предложил как-то я, и она равнодушно пожала плечами.

– А это как собачья кличка. Но и то лучше.

Больше никогда по-собачьи я ее не посмел называть. Встречались ли мы по работе втроем, или уединялись с ней в чужих постелях – она для меня оставалась Корнелией, в чем, кстати, был резонный элемент благоразумия. Ляпнуть «Корни» в присутствии Романа было бы равносильно объявлению войны. Элементарная конспирация в этой маленькой стране – не роскошь, а способ оттянуть приближение катастрофы. Потому-то и наши свидания – это всегда смена загородных домов.

Отличный, между прочим, бизнес. Не будь я сам постоянным клиентом, создал бы собственную сеть «домов измен», вложил в эту беспроектную инвестицию. За бесценок скупать брошенные сельские дома, которых менее чем в часе езды от Кишинева – десятки, если не сотни. Быстрый ремонт по себестоимости – а кому это по плечу, как не строительной компании? Ну и сдача внаем, исключительно почасовая и только для таких поклонников адюльтера, как мы с Корнелией. Иногда я и в самом деле жалел, что не смогу масштабировать этот бизнес так, как было бы под силу, наверное, только моей компании. Уж точно, до тех пор, пока мы с Корнелией не осточертели друг другу.

Даже не представляю, каково это – расстаться с ней. Дело не в чувствах, не в сексе, хотя и то и другое у нас в самом соку. Как это вообще возможно, бросить Корнелию? Она-то легко сможет, а вот способен ли я? Под лавиной каких бед буду стремительно погребен после того, как произнесу три заветных слова: «нам пора расстаться»?

– Нель. Мы. Работаем.

При мне с Корнелией Роман так еще не разговаривал. Прежде чем выразить недовольство тремя чеканными словами, он опускает голову, находит на полу какую-то точку и выпучивает глаза. Я, признаться, цепенею от неожиданного поворота, но Корнелия не дает развиваться моему ступору, блистательно отыгрывая роль послушной, но туповатой супруги, до которой, наконец, доходит смысл обращения потерявшего терпения супруга. Не говоря ни слова, она выходит из переговорной на полусогнутых ногах, демонстративно долго закрывая за собой дверь – якобы чтобы не потревожить нас малейшими звуками. Что ж, этого она точно не простит – ни Роману, ни даже мне.

Впрочем, отступать некуда, и я продолжаю вербовать Романа, интригуя его самым фактом подробностей, которые якобы не позволяет раскрыть договоренность с заказчиком.

– Так сложно работать, – замечает Роман. – Я не понимаю, в чем суть проекта.

– Ром, у меня договор о конфиденциальности, – ерзаю я в кресле. – Пойми меня правильно.

Он бросает взгляд на дверь, минуту назад закрывшуюся за Корнелией. Быстро же ему понадобилась помощь супруги, которую он только что выставил из

переговорной. Но что поделывать, если это была моя инициатива: мужской разговор, с глазу на глаз.

– Я все понимаю, – хмурится Роман. – Но, согласись, сложно креативить, не до конца понимая, над чем именно работаешь.

– Считай, что просто восстанавливаешь аутентичный интерьер.

– Но это бессмысленно, – улыбается он.

– Значит, смотри, – перехожу я в наступление. – Я сделал подборку по мебели и технике.

С санузлом на кухне я определился сразу. Рукомойник «Мойдодыр» начала семидесятых, с краном, вставленным в эмалированную панель, вбитую прямо в стену. Выливаясь, вода издает звук жестяного барабана, капли бодро и высоко отскакивают от эмалированной раковины.

– На даче понятно, но в квартире? – мнется Роман. – Как это вообще функционировало?

– Еще как функционировало, – отрезаю я.

Что ж, он обещает подумать, и даже делает вид, что воодушевлен.

– Были бы интересно смоделировать в реальности.

– Вот и отлично, – киваю я. – Кстати, каких-то бюджетных ограничений нет.

После такого заявление наши дела стремительно ускоряются. Оказывается, Роман отлично ориентируется в обстановке советской хрущевки, с одного взгляда определяет модель радиоприемника, знает людей, которые в разумные сроки доставят настоящий гэдээровский сервант, и лично, собственными руками, вылепит гипсовую решетку на вентиляцию, которая ничем не отличается от оригинала семидесятилетней давности.

– Телевизор вот такой, – демонстрирую я изображение на экране телефона, и Роман понимающе кивает.

– «Рекорд» триста двенадцать, – безошибочно угадывает он, и тут же добывает меня тем, что знает по номеру модель телефона, давным-давно снятого с производства.

Так и есть, это ТА-72. Дисконный телефон оттенка кофе с молоком, подостывшего напитка в граненом стакане из советской столовой. Та жидкость цветом скорее напоминала мазь Вишневского, такую же зеленовато-серую и по-своему невыносимую на запах.

– И картина над сервантом, «Утро в сосновом лесу». Висеть должна под наклоном так, чтобы рама нижней планкой упиралась в стену.

– Верхние углы в комнатах закругляем? – интересуется Роман, не переставая удивлять меня.

– А будет достоверно? – с надеждой уточняю я, и Роман лишь обнадеживающе усмехается в ответ.

Кажется, я теряю инициативу. Странно, я должен был ликовать, восторгаться, предвкушать успех, но почему-то меня коробит то, что здесь, в офисе Романа, я не чувствую себя хозяином положения. Моя последняя надежда – старые деревянные оконные рамы, но и тут Роман встречается меня во всеоружии.

– Окна будут как положено, – обещает он. – Настоящие старые петли и защелки, застывшие подтеки краски, чуть перекошенные рамы. Даже антикомариную сетку сделаем настоящей.

– Это как? – удивляюсь я.

– Не помнишь? Из мягкого металла, она еще гнулась и ржавела со временем.

Точно! А еще с годами в ней в ней множились дырки, от старости и от любопытных детских пальцев. И как я мог забыть?

– На твой взгляд, по срокам как все это реально? – я встаю и вновь замечая Корнелию, которая мелькает, пусть на мгновение, за стеклянной дверью.

– Все упирается в бюджет, – говорит Роман.

– Говорю же, бюджет есть. Не о неделе речь, но за полгода я бы хотел получить полностью готовый объект.

– Тогда вообще не проблема. Если даешь добро, кое-какие заказы можем сделать уже на неделе. Доставка, думаю, займет от полутора до двух месяцев.

– Угу, – похоже, я совсем не против, чтобы Корнелия снова показалась за разделяющим нас стеклом. – Вспомнил! Есть один старый знакомый, Ребекка тоже его знает.

Мой давний знакомый, будь он реальностью, за годы нашей семейной жизни действительно вряд ли остался бы тайной даже для моей инертной жены.

– Сто лет знакомы, – продолжаю я. – Жена, двое взрослых детей. Бизнес опять же. На днях узнаю, что они с женой – свингеры. Здесь, в Кишиневе, представляешь? Ездят по всему миру на свингерские вечеринки. Жена симпатичная, и даже сейчас, но я как-то раньше не представлял их даже вдвоем в постели. А представить, что она вытворяет во время этих путешествий...

Роман пожимает плечами.

– Я как-то не очень интересуюсь, – говорит он сущую правду. – Нет, теоретически понятно, конечно. Не понятно только, как об этом можно узнать, если они хранят тайну.

– Как-как. Слухи, как же еще. Кто-то, когда-то, под страшным секретом... Может, я вообще последним узнал?

Роман усмехается.

– Я вот тоже не сразу узнал про Дэна, – говорит он.

– Это кто?

– Дизайнер, – кивает Роман на дверь, за которой нас обоих ненавидит Корнелия.

– В дизайнерской сидит в самом углу.

– Рыжий, что ли? И что с ним?

– Что-что... Из этих он.

– Да ну? – искренне удивляю я. – Вроде такой здоровый.

– Вот именно. Потому-то такой популярный. То с одним его видели, то с другим. Я так понимаю, там целый конвейер.

– Ни хрена себе.

– Точнее и не скажешь. Мы одно время, как узнали, даже думали расстаться с ним. С другой стороны, к нашим он не клеится, да и специалист он толковый. Кстати, и к твоим проектам регулярно его подключаю.

– Знал бы я, – притворно морщусь я. – Зато теперь есть повод требовать скидку на ваши услуги.

– Скорее мы тебе выкатим наценку, – смеется Роман. – Не забывай, страна движется в Евросоюз.

Я привычно отмахиваюсь, и Роман поддерживает мой скептицизм кривой усмешкой.

– Даже не знаю, зачем мы это друг другу понарасказывали.

Поднявшись с кресла, я прощально протягиваю Роману пятерню.

– Так что, начинаем? – трясет он мою руку.

– Проект? На днях сообщу. Скорее всего, дам отмашку максимум через неделю.

– Окей. Не провожаю, хорошо?

– Не проблема, – зевнув, я неторопливо сближаюсь со стеклянной дверью.

– Кстати, знаешь почему? – говорит Роман, и я останавливаюсь, чтобы обернуться.

– Почему что?

– Ну, ты сам сказал. Почему мы делимся сплетнями о других?

– Потому что это в природе человека?

– Это понятно. Но я подумал, может потому, чтобы не рассказывать о своих секретах?

– Ром, тебе надо отдыхать, – усмехаюсь я, вцепившись в дверную ручку. – На самом деле, все то же самое о нас с удовольствием разнесут по всему свету. Дай только повод.

3

Ребекка выросла в заботливом окружении трудового коллектива, которым отец заменил ей семью. Тот же Виктор работал в компании со дня ее основания, а до этого возил моего будущего тестя, когда тот владел другой, менее масштабной фирмой. Кажется, у них была сеть ларьков на вещевом рынке. В подробности по своей воле меня никто не посвящал, а унаследовав дело, я не стал интересоваться, установив тем самым одно из главных правил в отношениях с персоналом: не дело босса вникать в подробности биографии подчиненных.

Более того, возглавив компанию, я стал притворным склеротиком, то и дело забывая имена подчиненных, с которыми бок о бок работал восемь месяцев, начиная со счастливого дня нашей свадьбы до трагической кончины тестя. Забывал я публично и театрально. Например, предоставляя слово подчиненному во время собрания, кивал на него, щелкал пальцами, хлопал себя по лбу, неловко смеялся, извинялся и даже краснел. Имени я так и не произносил, предоставляя эту привилегию сослуживцам, полусшепотом и вразнобой произносящих имя коллеги, как назло, вылетевшее из головы начальника в самый неподходящий момент. А что поделать, если под камнепадом проблем у их босса голова идет кругом!

На мое счастье, у тестя были консервативные представления о жизни. Он в жизни не мог помыслить, чтобы женщина однажды возглавила его империю, что, конечно же, было настоящей драмой для отца единственной дочери. Брачным свидетельством мне вынесли приговор на пожизненное управление строительной компанией, которую мне предстояло унаследовать в один прекрасный день. Кто же знал, что этот день настанет так скоро?

Тесть умер у себя в кабинете, успев ухватиться за стакан с водой, но так и не сделав глотка, в котором искал спасение. Таким его, лежащим в кресле со стаканом в руке, и обнаружил Виктор, водитель, который за долгие годы дрессировки научился не только просчитывать оптимальные маршруты передвижения босса, но даже предсказывать их. В тот день его интуиция сработала с опозданием, совсем небольшим, но стоившим тестю жизни.

Смерть тестя окрылила меня, и не столько своей скоропостижностью. Оказалось, все восемь месяцев моей семейной жизни он только и делал, что мешал мне управлять бизнесом. Руководить строительной компанией? Да проще некуда, особенно после того, как все восемь месяцев он везде таскал меня за собой, вываливая тонны информации, за которую многое отдали бы наши конкуренты и налоговая инспекция. Вряд ли он успел наверняка понять, что я и есть его преемник, хотя какие у него оставались варианты? Не всегда человеку под силу предвидеть собственную кончину, и даже тесть с его неоспоримым чутьем был, по-видимому, застигнут врасплох в тот самый момент, когда костлявая гостья заключила его в свои смертельные объятия.

Успел ли он пожалеть, что не вывалил на меня все тайны бизнеса? Тщетно борясь с асфиксией, тесть вряд ли вспомнил даже о собственной дочери, единственном родном человеке, которую он вырастил в одиночку, овдовев, когда маленькой Ребекке не исполнилось и десяти. Что мне еще оставалось? Разве что копировать поведения тестя: его речи, манеры, его ор и мат, от которого у меня за восемь месяцев развились невыносимые головные боли.

Я так и делал. Вызывал сотрудников поодиночке, собирал коллектив в полном составе, часами повторял одни и те же банальности, повышал голос и матерился. Ну и вовсю прибегал к собственному ноу-хау, успешно изображая амнезию на имена сотрудников. Я и сам удивлялся, когда понял, что все это прекрасно работает. В напуганных взглядах моих подчиненных читался иррациональный страх, словно их предыдущий босс и не умер вовсе, а перевоплотился, вселился в новое тело – более молодое, но с таким же поганым нутром.

Оказалось, управлять компанией просто, если ты ее владелец. Контроль над финансовыми потоками и страх сотрудников потерять работу – вот ключи к успеху, и эти ключи, выпав из охладевших рук тестя, попали прямиком в мой карман. Иногда я действительно нащупывал в кармане Ключ, крепко, до боли в ладони сжимал его и, незаметно переведя дух, вновь принимался орать на перепуганных подчиненных.

Официально компанию унаследовала Ребекка, но это лишь подтверждало и без того очевидный факт: нет и не может быть у «Фортус Констракшн» иного владельца, кроме мужчины. В этом смысле Ребекка оказалась просто идеальной супругой. Незаметной, апатичной и совершенно не интересующейся делами. К счастью, последнее относилось не только к бизнесу. Она верила в экстрасенсов, магию и болтовню мамаш на детской площадке, хотя иногда мне казалось, что она просто притворяется, стремясь понравиться таким же состоятельным бездельникам, убивающим время в свои обычные «резиновые» дни. Даже клятву в супружеской верности – прямо в постели в брачную ночь – она взяла с меня лениво и как-то формально, совсем как руководство компанией.

– Все, что наше, теперь и твое. А вот ты теперь – только мой, – прошептала она и, клянусь, никогда больше и вида не подавала, что хоть на толику сомневается в действенности своего ритуала.

Поразительно, но неубедительное заклинание Ребекки и в самом деле работало безотказно первые пять лет брака, будто по гарантии. Интрижку на стороне я завел лишь тогда, когда отношение ко мне как к серьезному бизнесмену успело устаканиться не только среди запуганных подчиненных. Я уже вовсю приятельствовал с владельцами ресторанов, мог в любое время позвонить хозяину сети автозаправок и владельцу четырехзвездного отеля в центре Кишинева, и даже многие депутаты молдавского парламента слышали мое имя и знали, какой компанией я управляю. При всем этом Ребекке я впервые изменил, пытаясь получить очередной кредит.

Мою первую любовницу звали Викторией, она была старше меня на четыре года и возглавляла отдел по работе с корпоративными клиентами в «Молдмегабанке». Поначалу все выглядело так, словно скучающая и избалованная бизнес-леди в очередной раз пожелала развлечься. Вскоре я начал не без удивления замечать, что дни без наших встреч кажутся мне провальными, хотя по финансовым показателям компании этого нельзя было сказать. Виктория не ленилась постоянно менять наряды, макияж и даже прически – последнее стало невыносимо раздражать меня в облике собственной жены.

– Ты можешь как-то по-другому подстричься? – ошарашил я как-то ее, осознав, что не представляю Ребекку с не мальчиковой прической, которую раньше считал вершиной сексуальности.

Ребекка ничего не ответила, но и не подстриглась, не изменив себе даже после прямого намека собственного супруга. Что ж, в разгар романа с Викторией это обстоятельство меня полностью устраивало. Пожалуй, я даже был благодарен ей, и не только за прекрасно проведенное время. Оказалось, что сам факт наличия любовницы раскрепощает куда круче, чем большие деньги. Подъезжая к дому Викторией, я не стеснясь парковался прямо у подъезда, а выходя из машины, снимал темные очки: вот он я, что сейчас будет, завидуйте!

Поэтому когда Виктория исчезла из моей жизни – ее перевели с повышением в Прагу, в головной офис реальных владельцев якобы отечественного банка, – я не мог избавиться от мысли, что наше расставание – лишь начало более серьезных испытаний. Моя раскованная эйфория быстро перетекла в состояние депрессии.

Я даже стал подумывать о разводе и о том, что неплохо бы бросить все – семью, бизнес и улететь куда-нибудь на край света. В Лондон или на какую-нибудь Шри-Ланку, куда угодно, лишь бы освободиться от рутинных обязательств, в которые быстро превратились неудержимые удовольствия. Я даже купил билет на самолет в Прагу, не пытаясь связаться с Викторией, рассчитывая непонятно на что, как за два дня до вылета Ребекка сообщила, что беременна.

Так восемь лет назад у нас родилась Мишель, наша дочь и наш первенец.

– Что за дурацкое имя? – простонала Ребекка.

Не прошло и часа, как закончились роды, а я уже приготовил своей благоверной первый сюрприз – имя для дочери. Я загадал его заранее, решив, что назову дочь первым женским именем, которое услышу по радио. Виктор вез меня на объект, в машине заиграла битловская «Мишель» – что ж, вердикт был окончательным и обжалованию не подлежал. Вернувшись домой, я на радостях поставил оригинальный винил «Белого альбома», за который отвалил не менее пятисот евро.

– Дурацкое? Уж кто бы говорил! – я даже повысил голос на Ребекку, все еще бледную, со взмокшими неопрятными волосами, разметавшимися на покрытой влажными пятнами больничной подушке.

Ребекка молча отвернулась, я же молча поцеловал ее в плечо, липкое и костлявое. Все произошло так, как повелось у нас с самого начала. Ей нужно было время, совсем немного, чтобы принять мою идею как свою собственную. Принимая во внимание экстраординарные обстоятельства, я даже помолчал с минутой.

– Мишель, – прошептала Ребекка регистраторше, оформлявшей свидетельство о рождении, и бросила на меня косой взгляд. Я морщил лоб, делая вид, что в моем смартфоне есть вещи куда более важные в тот самый момент, когда решается, как будут звать моего первенца.

Когда же у нас с женой с самого начала рождались одинаковые мнения, мы испытывали друг к другу искреннее недоверие. Через три года после рождения Мишель у нас появилась вторая дочь, и в этот раз я не стал торопить события. Из роддома Ребекку с ребенком выписали через четыре дня, и лишь после этого, синхронно набрав на смартфонах имя, каждый на своем и каждый – какое захочет, мы одновременно развернули друг к другу экраны. «Анастасия», увидел я на телефоне Ребекки, и то же самое прочла жена на экране моего айфона.

– Я разве тебе говорила? – удивилась Ребекка.

– Я что, сказал это вслух? – одновременно спросил я.

Мы даже не рассмеялись. Из детской комнаты раздался плач, и Ребекка, вскочив с дивана, понеслась к ребенку, облегчаться от распивавшего ее молока. Я вытянул ноги и выдохнул, впервые за пять дней, прошедших с начала схваток у супруги, вспомнил о Корнелии.

И еще я улыбнулся, подумав о том, что о моей новой любовнице не знает ни одна живая душа.

4

Роман собственноручно направил Корнелию в мою постель. В то время мы еще верили, что не просто делаем деньги, а развиваем экономику, и раз в год выбрасывали на воздух что-то около пяти тысяч долларов, и все ради участия в строительной выставке. Мы командировали на стенд молодых сотрудниц, которые ждали выставку целый год и даже интриговали по мере ее приближения. Девушки из кожи вон лезли, чтобы получить неделю отдыха – от офиса и матерящегося шефа, – пить с утра до вечера бесплатный кофе и вовсю кокетничать с зеваками, которые и составляли большинство посетителей выставки. Сотрудницы не разбираясь разбрасывались буклетами, ничуть не комплексуя от мысли, что деньги компании, в которой им посчастливилось работать, уже через мгновения оказываются в мусорных урнах в виде скомканных и не читанных рекламных материалов.

Само собой, моя нога даже не ступала на территорию выставочного центра. Хозяину компании нечего делать там, где клерки чувствовали себя в своей тарелке. Единственное, что я себе позволял – затребовать отчет, наглядно демонстрирующий абсолютную убыточность данного мероприятия. Лишь однажды мне позвонили прямо с выставки: менеджер Лилия решила, что может вот так, запросто прервать обед генерального директора. Мне даже пришлось устроить разнос начальнику отдела снабжения, в подчинение которого состояла Лилия и который допустил утечку номера моего мобильного, этой роскоши, непозволительной для обычного менеджера.

– Откуда эта тупица взялась? – спросил я начальника снабжения, потирая висок, притворяясь, что его имя – Александр – как нельзя некстати вылетело у меня из головы.

Александр только развел руками, обозначив проблему, которой все мы в последней инстанции объясняем наши неудачи. Кадровый голод, ничего не поделаешь. Передо мной на столе лежала визитка Романа, и именно Роман вынудил Лилию нарушить субординацию, потребовав там и тогда, прямо на выставочном стенде, передать начальству его личное почтение.

– Молодец, что не отказала и не потеряла визитку, – сказал я Александру. Но все-таки субординация – то, на чем держится компания. Иначе – бардак и хаос.

Лилию уволили через две недели, выплатив премию за работу на выставке – о первом, как и о втором, я распорядился лично. После чего я набрал номер мобильного, указанного на визитке. Оказалось, что Роман – один из ведущих дизайнеров интерьера в Молдавии.

– Вот как, я и не знал, – удивился я в трубку.

– Все нормально, – успокоил меня приятный голос и предложил встретиться.

Они пришли вместе, и позднее, когда у нас с Корнелией намечались споры и недомолвки, я всегда приводил этот довод. Предъявляй претензии своему мужу, он сам привел тебя ко мне, говорил я. Довольно скоро я понял, что это Корнелия не отпустила Романа одного на ту самую встречу в ресторане «Хорен», где от кисловатого аромата хачапури у меня начиналось слюноотделение даже после плотного застолья, когда за стол я усаживался с намерением выиграть переговорную битву одной-двумя чашечками эспresso.

Внешне Роман и Корнелия были антиподами в той же мере, в какой полностью дополняли друг друга. Я всегда считал свою внешность неприлично рафинированной для своей страны и тем более для строительного бизнеса. Роман же поразил

внешностью актера из фильмов не для всех – скорее польских, чем французских. Копна соломенных волос, короткая фигурная бородка, мохнатые бакенбарды ниже ушей, – Роман совсем не походил на гомофоба, каковым в действительности оказался. Дизайнер Дэн был скорее исключением в штате его компании и свою ориентацию перестал скрывать лишь недавно, осознав, что без его услуг агентство «Винтериум» загнется под валом сложнейших проектов.

Корнелия оказалась выше мужа на полголовы, лицо у нее было плоским, нос крупным, а лодыжки – широкими, навевающими мысль о коровьих голяшках для холодца. Последнее обстоятельство – достаточный аргумент, чтобы с такой женщиной у меня не было никаких отношений. Еще в юности я игнорировал даже писаных красавиц, имевших анатомическое несчастье родиться с невидимой щиколоткой, терявшейся в полноте голени. Именно лодыжкой, словно ненароком, Корнелия слегка коснулась моей ноги, отчего от икроножной мышцы неудержимая дрожь пробежала у меня по всему телу.

Говорил в основном Роман, я же с трудом удерживал внимание на теме разговора. Бросая короткие взгляды на Корнелию, я кивал, то и дело хватаясь за стакан с водой, подспудно надеясь, что в отличие от тестя, стакан поможет мне если не выжить, то хотя бы скрыть это неожиданное влечение. Я шел на встречу как хозяин положения, но чем дальше я продирался сквозь лаконичность Романа и чувственность Корнелии, тем больше понимал, что без этих людей не выжить. Ни мне, ни «Фортус Контракшн».

Корнелия неторопливо поправила волосы, и я не выдержал, задержал на ней взгляд дольше, чем мог себе позволить. А ведь Роман прав, дизайнеры интерьера и строительные компании – естественные союзники на рынке. Корнелия гулко вздохнула. Они разрабатывают дизайн, мы строим по их макетам. Это не конкуренция, это взаимное развитие, разве не так? Корнелия посмотрела мне прямо в глаза, и струйка пота с щекотанием устремила вниз по спине. У нас действительно возрастет число заказов: дизайнеры будут направлять своих клиентов к нам, рекомендуя «Фортус Контракшн» как надежных партнеров, способных в полной мере реализовать их творческие замыслы. А что мешает нам отвечать взаимностью, отправляя к дизайнерам наших клиентов? Корнелия закусил верхнюю губу, едва заметно покачиваясь на стуле из стороны в сторону. На меня она не смотрела, отлично понимая, каково это мне – смотреть в глаза ее Роману.

– Ты уже тогда знала, что у нас будет вот это все?

Голова Корнелии лежала на моей груди, я знал, что она улыбается, возможно, находя забавным мое сердцебиение.

– По-моему, я как могла, намекала тебе о своих планах.

– Странно. И зачем тебе это надо было?

– Дурак, что ли? – подняла голову Корнелия. – Откуда я знаю, почему мне чего-то хочется?

Мы меняли дома свиданий, а наши фирмы занимались взаимным оплодотворением – клиентами и проектами. Принципиальные решения мы принимали вдвоем, не вылезая из постели и не переставая наслаждаться друг другом. Похоже, мы с Корнелией нашли идеальное сочетание личного и делового, ничуть не жалея, что в этом уравнении отсутствуют наши законные супруги.

Во время последнего свидания она сразу переходит к делам, даже не позволив притронуться к себе.

– Что это вообще было? – выдает Корнелия сквозь зубы.

– Не понял.

– Все ты понял!

Корнелия, мечущаяся за стеклом, вскипающая от негодования, взрывающаяся из-за неизвестности, от воплощения самого безумного из всех сценариев, при котором ее выставляет из кабинета собственный муж ради разговора с ее же любовником. Я мгновенно потею, понимая, что меня ждет не кокетливое препирательство, а самое настоящее выяснение отношений. Открытый конфликт без единого шанса для моей обмякшей персоны.

– Послушай, но я же не был против твоего присутствия. Это Роман...

– Муж мне все рассказал, – перебивает она. – Или ты сомневался?

– Ладно, – пытаюсь я снизить накал. – Это хорошо, что рассказал.

– Кто она?

– Что, прости?

Корнелия издает странный звук, какой-то рычащий выдох, и все для того, чтобы не повторять вопрос, который не приносит ей ничего, кроме страдания.

– Какая еще она, Корнелия? – доходит до меня. – Что ты выдумываешь?

– Жене своей сказки рассказывай!

Такого в моей жизни еще не было. Любовница, приревновавшая меня к другой воображаемой любовнице. Любовница, презиравшая мою жену за попустительство к моим изменам, ничуть не смущенная тем, что ее-то это касается в первую очередь.

– Я в шоке, – качаю я головой, ничуть не преувеличив.

Я действительно в замешательстве, при этом испытываю странное воодушевление. Не слишком ли далеко зашли мы в наших отношениях? Не появится ли она на пороге моего дома с чемоданами вещей и не выпалит ли в лицо ничего не понимающей Ребекке, что бросила мужа и теперь мы будем вместе до конца наших дней?

– Корнелия, это совсем другая история, – ловлю я себя на том, что перед женой мне никогда не приходилось оправдываться подобным образом. Никаких «это не то, что ты думаешь» Ребекка от меня пока еще не слышала.

– Зачем тебе квартира аж в Каушанах? Только не надо про гостиницу, ладно?

– Не гостиница, – уточняю я. – Апартаменты в стиле квартиры шестидесятых. Ты видела новость, что Кишинев вошел в десятку европейских городов для воркэйшна?

– Для чего?

– Воркэйшн. Комбинация слов «работа» и «отпуск» на английском. Удаленная работа в другом городе, даже в чужой стране. Я-то думал, вы с Романом точно в курсе этих дебильных модных словечек.

– Нет, не в курсе, – перебивает Корнелия, явно недовольная тем, что я увожу разговор в сторону.

– Нет, правда, – настаиваю я. – Кишинев в европейской десятке, ты разве не слышала?

– Ну а ты тут при чем?

– Вот я и подумал. Квартира в райцентре, лучше всего хрущевка, чтобы аутентичность зашкаливала. Восстанавливаем интерьер, чтобы максимально соответствовал обстановке брежневских времен, ну или хотя бы конца восьмидесятых. И создаем целую сеть таких мини-отелей, как раз для иностранцев-удаленщиков. Раз уж рынок на подъеме.

– А почему не в Кишиневе?

– С этими ценами на недвижимость? Чтобы инвестиции мои правнуки отбивали? А в таких вот райцентрах и воздух свежее, к тому же пиццу и нормальный кофе везде научились делать. Будем развивать туризм не только в столице, еще и гранты отхватим, вот увидишь!

– Кто это, интересно, отхватит?

– Я понимаю, – говорю я, и Корнелия впервые за вечер позволяет обхватить себя за талию. – Мне стоило для начала обсудить с тобой. Но понимаешь, дорогая, я не хотел терять время, а идея, по-моему, лежит на поверхности. А вдруг ты бы сказала, что все это бредовые растраты?

– Почему? – явно оттаивая, дуется Корнелия.

– Вот я и решил, на свой страх и риск. Начнем с Каушан, там тупо по дороге такая классическая хрущевка подвернулась. Двухэтажная, два подъезда, восемь квартир. Я-то бывал в таких, помню, что там и как. Рома сделает дизайн, привезет все эту совковую утварь, в которой он, кстати, реально сечет. Запустимся, а там посмотрим. Пойдет – реально сделаем сеть вместе, почему бы нет?

Притянув Корнелию, я зубами хватаюсь за пуговицу на ее блузке.

– Не сейчас, – ноет она, но я уже переломил ход сражения в свою пользу.

– Кстати, – говорит Корнелия и глаза ее застилает привычная поволока, предшествующая идеальному шторму страсти, – если нужно разрешение, скажи. Мы недавно сделали интерьер дома примару¹ Каушан.

5

Кажется, это началось, когда нашей младшей дочери исполнилось два года. Я мысленно занимался нехитрой арифметикой – складывал годы Анастасии и Мишель и судил дочерей по общему возрасту этого воображаемого ребенка. Сейчас моим дочерям на двоих тринадцать, а я и понятия не имею, как должна вести себя девочка в этом возрасте. Или в тринадцать уже девушка, так ведь получается?

– Пап, когда ты подпишешься на мой тик-ток?

Это просит Анастасия, Мишель же только презрительно фыркает.

– Что не так? – моментально цепляюсь я к старшей, лицо которой вытягивается и бледнеет. – Что, я тебя спрашиваю?

Анастасия в свои пять не в силах скрыть торжествующей улыбки. Сидя за кухонным столом, она болтает ногами и легонько подпрыгивает на стуле. Мишель готова разрыдаться, но держится молодцом и даже находит силы ответить, тихо и без надрывных ноток.

– Сам посмотри, что там у нее, – советует она.

Тем же вечером тик-ток младшей дочери мы смотрим вместе с Ребеккой, и жена заливается смехом, при том что ролики Анастасии не стали для нее откровением.

– Нет, ты только посмотри! – в приступе веселья Ребекка утыкается носом мне в шею.

Я и смотрю. Вот дочка перепрыгивает с крыши одного гаража на другой, всего лишь четвертой по счету после трех других девочек, но сердце у меня екает именно во время ее прыжка. Вот все они, Анастасия и ее подружки, ритмично вытанцовывают в парке на Комсомольском озере, и у меня возникают два вопроса: откуда у пятилетних девочек взялся танец с такими неприличными движениями и как так получилось, что дети оказались одни в парке на другом конце города?

– Ты была с ними? – уточняю я, но Ребекка лишь мотает головой, продолжая смеяться.

Ты что, идиотка? Слова едва не вырываются у меня из глотки, но я лишь улыбаюсь, на пару с женой радуясь успехам нашей младшенькой, которая растет не по

¹ Примар в Молдавии – мэр, градоначальник. Примария – мэрия.

дням, а по часам и может похвастаться целыми девятнадцатью тысячами подписчиков по всему миру.

– Ребекка что, идиотка? Куда она смотрит?

Корнелия возмущается, не вылезая из постели, искренне, как совсем незадолго до этого была так же непосредственна в своей страсти. Я уже жалею, что показал ей тик-ток дочери, мне хочется сказать хоть слово в защиту жены, но я так и не решаюсь.

– Да они все сейчас такое снимают, – бормочу я, но Корнелия и не думает отступать.

– Да мало ли! Родители-то куда смотрят? – говорит она, явно имея в виду не меня.

А ты со своим Ромой о чем думаешь, думаю я. Мы хоть детей завели, а вам стоило хотя бы у врачей провериться. Может, не все так безнадежно, и вы сможете оставить после себя не только деньги, интерьеры и награды, которые вам вручают точно такие же дизайнеры.

Я думаю о детях, когда не знаю, что ответить Корнелии, и вспоминаю о Корнелии, когда меня донимают дети. Последнее происходит после пяти минут пребывания в компании моих любимых дочерей.

Обычно мы с Ребеккой практикуем вахтовый метод. Супруга отвозит дочерей в школу и в детский сад, ходит с ними в кафе, водит на детские площадки и на дни рождения. Я тоже отвожу детей в учебные заведения, правда с водителем и не чаще нескольких раз в месяц. Столько же, сколько гуляю с ними по парку или просто лежу на шезлонге на газоне у дома, исполняя нелегкий отцовский долг, иногда отрывая взгляд от смартфона, чтобы убедиться, что дочери не подрались, пока их мать занята в спа-салоне. В полном составе наша семья выбирается разве что в кинотеатр – вероятно для того, чтобы два часа провести в темном зале, не общаясь друг с другом и даже не видя родные до боли лица.

Иногда я чувствую себя крысой, загнанной двумя безжалостными кошками, в ролях которых выступают, конечно, мои милые девочки. Нам гулять еще полчаса, а Мишель с Анастасией, будто сговорившись, прячут свои проклятушие смартфоны и нацеливают на меня две пары глаз прямо посреди парковой аллеи. Бегство невозможно, я должен держать удар здесь и сейчас.

– Ну пожалуйста, пап, – мстит мне Мишель за все прошлые обиды. – Расскажи что-нибудь интересное.

– Да, пап! – подпрыгивает на месте Анастасия, легко покупаясь на плаксивые нотки в голосе старшей сестры. – Хочу интересное!

Пару раз я уже попадал пальцем в небо, начиная рассказывать дочерям анекдот и прерываясь на полуслове, вспомнив, что скабресную концовку не заменить, даже если вставить любимую всеми детьми «какашку». Поэтому на случай двойной атаки дочерей у меня заготовлена одна из историй, которые навсегда остались в моей памяти.

– Ладно, – сдаюсь я. – Хотите, расскажу, как я похоронил доллар?

Переглянувшись, дочери одновременно издают восторженные возгласы, перепугав голубей, которые в надежде на подаяние уже довольно долго сопровождают нашу прогулку. Вздохнув оттого, что еще на одну историю для экстренных случаев вот-вот останется меньше, я начинаю свой рассказ.

На время летних каникул меня посещало откровение. Пока во дворе бабушкиного дома стоят тополя и беседка, все будут живы и ничего страшного не

случится. С сентября по май я спасал ближайших родственников сложной операцией в нашей с родителями квартире, в сумраке пожирающей детскую комнату ночи, лежа под одеялом на левом боку. На настенном ковре я выбирал четыре неровных квадратика, всегда одни и те же, со второго по шестой, из бесконечного ряда таких же квадратиков, терявшихся в темноте на пути к моим запутавшимся в одеяле ступням. Коснувшись квадратиков поочередно, слева направо и наоборот, с шестого по второй, я успевал перечислить всех главных людей своей жизни: маму, папу, бабушку, дедушку, бабушкину сестру, неизменно добавляя «и остальные». После этого шепотом произносил одну и ту же фразу – «будь по-моему», – и утром следующего дня не мог определить, когда именно после произнесения заклинания проваливался в забытие, был ли это уже сон или еще фрагменты реальности, от которых я вздрагивал и открывал глаза, чтобы теперь уж точно уснуть – сразу и глубоко.

Летом все было иначе. Я ночевал у бабушки с дедом, в квартире, где мы с родителями прожили до моего пятилетия. Здесь для изучения ковра, висевшего на стене у кровати, мне приходилось поворачиваться на правый бок, но пользы это не приносило. В ковровом орнаменте не содержалось никаких знаков, прикосновение к которым принесло бы семье столь же убедительную протекцию, как ковер в родительской квартире. Должно быть поэтому я и доверился виду из окна во двор, не менявшемуся задолго до моего появления на свет, когда моя мама еще была школьницей, бойкой, веселой девчушкой, с двумя пышными бантами на русой головке.

Едва продрав глаза летним утром, первым делом я семеня, босиком и в одних трусиках, к раскрытому окну, локтями упирался в широкий подоконник и мелко подрагивал от оживляющей прохлады. Уткнувшись носом в потемневшую от ржавчины сетку от комаров, я пересчитывал огромные, похожие на сказочных великанов, тополя, каждый из которых мог разнести бабушкину двухэтажку как игрушечный домик из тонкой фанеры. Их было пять, этих гигантских тополей, стволы которых мы с пацанами могли охватить разве что втроем, соединившись в круговой хоровод, цепляясь друг за друга кончиками пальцев. Зеленая беседка посреди грозных деревьев не выглядела беззащитной, скорее напоминала мелкую старушенцию, которую беспрекословно слушались сыновья-амбалы. У нашей беседки таких «сыновей» было пятеро, а их гигантские кроны надежно защищали ее как от беспощадного июльского солнцепека, так и от грозových майских ливней.

В то утро я не сделал главного, не успел пересчитать тополя и мысленно кивнуть беседке. Виновником внезапной отмены моего ритуала стал незнакомец, бродивший по двору и что-то высматривавший в траве. Приглядевшись, я понял, что знаю его. Незнакомцем оказался дядя Толя, мужчина, пожилая мать которого жила в двухэтажке напротив, в квартире на первом этаже. Покрутившись у беседки, он направился к дому своей матери, скрывшись за гаражом дяди Саши, нашего соседа по подъезду, умудрившегося впихнуть посреди двора длиннющий металлический дом для своего автомобиля так, что его боковая сторона уперлась в тыльные стенки выстроившихся в один ряд скромных соседских сараев. Я было выдохнул, но лишь на считанные мгновения, после чего разразилась форменная катастрофа.

Первым делом затряслась яблоня, частой и страшной дрожью. Ее верхушка возвышалась над дальним углом дяди Сашиного гаража, и ничего более родного для меня не было из всей нашей дворовой растительности. Когда яблоня была саженцем метра полтора высотой, мы с отцом посадили ее в углу двора, под крохотным некрашеным палисадом, за которым заканчивался наш двор и начинался двор соседний – с узкой полосы засаженной зеленью земли, переходящей в цоколь дома напротив. Мне тогда было лет пять, но воспоминание сохранилось так, будто мы с отцом позировали невидимому фотографу, запечатлевшему момент посадки яблони. Я

держался за ствол деревца, корни которого уже были присыпаны влажным черноземом, рядом стоял улыбавшийся отец с огромной жестяной лейкой. Яблоня росла неторопливо, и первые яблоки, мелкие, червивые и кислые, я попробовал лишь классе в шестом. Вымахав с годами, яблоня сохранила юношескую стройность, хотя по ее, яблоневому, летоисчислению вероятно все еще оставалась младенцем. Она была скромницей, моя яблоня, и я никогда прежде не видел, чтобы хоть у кого-то из соседей поднялась рука вцепиться в ее грациозный ствол.

Я ойкнул и присел под окном, мысленно умоляя дядю Толю о двух вещах: немедленно оставить мою яблоню в покое и столь же быстро исчезнуть, уйти, испариться с нашего двора. Вцепившись в подоконник, я медленно подтянулся – так, чтобы видеть происходящее во дворе, но самому при этом оставаться незамеченным. Как оказалось – только не для дяди Толи.

– Эй! – крикнул он, глядя мне в прямо глаза, стоило моей голове едва появиться в проеме окна. – Я знаю, ты дома!

Снова рухнув под подоконник, я развернулся, больно ударившись голой спиной о чугунную батарею. Стиснув зубы, чтобы не зарыдать, я уткнулся носом в колени и зажмурился.

– Будь по-моему, будь по-моему! – пробормотал я беззвучно, одними губами.

– Мальчик! Как тебя там?

Я задрожал, вспомнив, что с утра бабушка собиралась в магазин – отстоять очередь за привозной сметаной. Дед в те годы еще шоферил на камазе, и так вышло, что после пробуждения я оказался в квартире совсем один, в заложниках у знакомого, но совершенно постороннего мужчины, топтавшего траву вокруг беседки, которую – и это знали все жильцы – позволено лишь щипать курам, которых соседи выпускали во двор, не советуясь друг с другом и все же соблюдая негласную очередь.

– Родители дома? Маму позови!

Он, должно быть, был ровесником моих родителей, и только этим я мог объяснить, откуда дядя Толя точно знал, что может безбоязненно и даже развязно что-то требовать от меня, не опасаясь, что за ребенка вступится бабушка – сразу и не задумываясь, как она обычно и поступала.

– Чего орешь? Толя, ты, что ли?

Неожиданная помощь пришла с первого этажа. Тетя Надя, жена дяди Саши и мать моего друга Миши, услышала непривычные возгласы, метавшиеся от нашего дома к соседнему и обратно.

– Доброе утро, Надюша, – слова дяди Толи едва долетели до моих ушей, таким тихим и глухим вдруг стал его голос.

Медленно, чтобы опять не попасться, я выглянул во двор – из нижнего угла окна и только одним глазом.

– Пьяный, что ли? – тетя Надя ничуть не стеснялась прилюдно позорить дядю Толю. – Что ты пристал к ребенку?

В ответ дядя Толя пробормотал что-то совсем уж невнятное, и даже приложив ухо к сетке от комаров, я не расслышал ни слова.

– Ключ? – прокричала тетя Надя. – Так смотреть надо было, растяпа! Ребенок тут при чем?

Решив, что опасность миновала, я допустил роковую ошибку: выпрямился во весь рост и даже повис над полом, упершись ладонями в подоконник.

– Вот он! – радостно всплеснул руками дядя Толя, увидев меня таким – голым до пояса, едва не вываливающимся из окна. – Спустись на минутку, а? Пожалуйста!

Все было кончено, я сам загнал себя в ловушку. Не помню, как и во что я оделся, зато запомнил свои летние сандалии и язычок пряжки, который я вогнал себе

под ноготь, застегивая обувь дрожащими руками. Помню, как не мог попасть ключом в дверь, не решаясь нарушить бабушкиного наставления – не оставлять входную дверь открытой даже в том случае, если собираюсь вернуться в квартиру после первого же и единственного в подъезде лестничного пролета. Помню дородную тетю Надю, которая вывалилась из своей квартиры, встретив меня своей обычной беззастенчивой улыбкой между раскрасневшихся щек.

– Ключи, говорит, потерял, – радостно передала она мне очевидное вранье, которым дядя Толя запудрил ей голову. – Ты у нас вечно по двору бродишь, не находил?

Мотнув головой, я пошел к выходу, жалея о том, что не могу прошмыгнуть мимо пышного тела тети Нади в ее квартиру. Проскочить в большую комнату справа от коридора, забиться в дальнем углу, между сервантом и шкафом-стенкой, где я как-то застрял, когда мы Михой увлеклись игрой в прятки.

Волшебное утро большого школьного лета расцветало райским садом, но все, что я видел – это дьявол в человеческом обличье с лицом дяди Толи, к которому я приближался неминуемо, как приговоренный к плахе. Впервые в жизни я видел его так близко, и его усы, его казавшиеся образцово-капитанскими усы вблизи оказались обвисшими и беспомощными, будто их обладатель примчался сюда прямо из-под душа, не успев как следует высушить и расчесать растительность над верхней губой.

– Ты был с Геной? С моим Генкой? Вас видели в этом дворе.

С Геной, который учился на два класса старше, не то что заговорить – на глаза ему я старался не попадаться. Когда выдавался несчастливый день и доводилось наткнуться на Генку с его свитой в школьном коридоре, лучшим решением было прижаться к стенке, не поднимая глаз, и желательно задержать дыхание. На Гене всегда были идеально выглаженные брюки и накрахмаленная рубашка, пионерский галстук сидел ровно как на картинке, и сам он выглядел круглым отличником, гордостью школы и первым претендентом на поездку в «Артек». Школу он обходил с хозяйским видом, не вынимая руки из карманов брюк, в сопровождении трех-четырех друзей, от одного вида которых становилось ясно, что им ничего не стоит растереть по стене школьного коридора любого, кто хотя бы посмеет бросить на Гену косой взгляд.

Слова его отца поразили меня – настолько, что чувство страха во мне сразу притупилось. Правда, не настолько, чтобы позволить себе дерзость, за которую ребенок вроде меня вполне мог рассчитывать на подзатыльник, пусть даже не сбивающий с ног.

– Я не... мы не... никто не видел, – пробормотал я.

– Бабушка видела, – дядя Толя кивнул на дом своей матери и вздохнул. – Старая калоша. Половину не видит, половину не понимает.

Я был потрясен. До этого я и предположить не мог, чтобы кто-то из родителей назвал мою бабушка «калошей», даже мыслей таких не могло возникнуть. Я даже решил, что женщина из дома напротив – фальшивая мать дяди Толи, а самого его усыновили, взяли из детдома в младенческом возрасте.

– Я не находил ключей, – отчеканил я неожиданно для себя.

– Да какие там ключи? – дядя Толя вздохнул и уставился куда-то вдаль с выражением отчаяния во взгляде. – Ты точно Генку не видел?

– А вы сами его спросите, – совсем осмелел я, и, к моему удивлению, дядя Толя не то что не рассердился, а скорее даже растерялся.

– Да я бы спросил, – развел он руками, – только куда он, засранец, делся?

– А что, он что-то натворил? – я уже чувствовал себя хозяином положения и собирался, как только дядя Толя отправится восвояси, выпустить кур во двор, несмотря на категорический запрет деда пасти домашних птиц в его отсутствие.

– Да как сказать, натворил. Потерял кое-что и, видимо, в вашем дворе.

Я замолчал, бросив взгляд на окно Михиной квартиры. Оттуда доносилось ворчание раскаленного на сковороде подсолнечного масла. Еще немного, и двор наполнится кухонными ароматами середины лета, и прежде всего – запахом жареного болгарского перца. Тетя Надя тяжело сновала по кухне туда-сюда, словно позабыв о нашем с дядей Толей существовании. Я молчал, и лишь сейчас понимаю, что мое тогдашнее молчание было не по-детски зрелым решением. Пускай дядя Толя сам раскроет карты. Он и раскрыл.

– Слушай, может ты видел, – сказал он. – Бумажку такую, она зеленого цвета. На одной стороне портрет мужика посередине. Дедок с седой густой шевелюрой. Если найдешь, ну вдруг, не показывай никому, ладно? Пойдешь к Гениной бабушке, знаешь, где она живет?

– Вон в том доме.

– Шестая квартира, первый этаж, – охотно уточнил дядя Толя. – Я ей оставлю десять рублей, понял?

– Угу, – не понял я.

– Деньги для тебя, – дядя Толя нависал над моим ухом. – Только никому ни слова. Принесешь бабушке Лиде бумажку – получишь целых десять рублей.

Я попытался перевести сумму, которую никогда до это мне не доверяли ни родители, ни бабушка, во что-то понятное, но ничего не получалось. Сто порций мороженого в вафельном стаканчике – это, понятно, пятнадцать рублей, а вот с десятью выходила напряженка. Кажется, кому-то из одноклассников купили аквариум с рыбками за десять рублей, или все же за пятнадцать?

– Хорошие же деньги, – удивился моему замешательству дядя Толя, и я встрепенулся, очнувшись от своих подсчетов.

– Да-да, – сказал я. – Я принесу бумажку, если найду.

– Прошу тебя, – лицо дяди Толи скривилось в просительной гримасе. – Никому ни слова, договорились?

Конечно, договорились. Главное, меня никто не собирался таскать за ухо, стегать ремнем или докладывать моим родителям, что однажды – а больше такого случилось – видел, как за сараем я затачиваюсь кем-то недокуренной сигаретой.

Я нашел зеленую бумажку почти сразу после того, как ушел дядя Толя. На всякий случай я не стал ее подбирать, а сделал несколько кругов вокруг беседки – убедиться, что дядя Толя не подглядывает за мной из-за угла и, главное, тем же самым не промышляет тетя Лида, его старая как калоша мать.

Для верности я еще побродил по двору, ворошил траву, переворачивал опавшие листья, незаметным движением подхватив бумажку и сунув ее в карман. После чего продолжил свои постановочные поиски, то и дело наклоняясь к земле и пожимая плечами. Совершенно обнаглев, я подошел к яблоне и уставился в окно тети Лиды. Стоял я так с минуту, не заметив в окне никакого движения, зато понял, почему раскачивалась яблоня. Вероятно, общаясь с матерью через двойные рамы ее окна, дядя Толя схватился за ствол дерева, жестами компенсируя отсутствие звука, пытаясь получить от пожилой женщины подтверждение того, что все, что она наболтала сыну – не более чем старческий бред.

– Доллар? А кто тебе сказал про доллар?

Я не сразу понял, что отец не столько удивлен, сколько напуган моим вопросом. Хорошо, что я не додумался продемонстрировать ему найденную у беседки бумажку, ограничившись вопросом, действительно ли доллар – это американский рубль и что его можно продать за десять рублей.

– Слышал от пацанов в школе, – соврал я.

– От каких?

По работе отца часто вызывали в райком, после чего он возвращался домой в двух состояниях. Или бледным и подавленным, или хорошо выпившим. Кажется, от его внезапного допроса я так же стал бледнеть и понятия не имел, что должен ответить.

– Что ты пристал к нему? – вступилась мама.

Дело было вечером, я пришел ночевать в квартиру родителей, примерно раз в неделю во время каникул делая такое исключение. Поводом для ночевки в родительском доме на этот раз стала перспектива отлежаться в горячей ванне; в бабушкиной квартире я мог рассчитывать лишь на холодный душ, после которого весь тесный санузел оказывался полностью мокрым, от унитаза до прорезиненной корзины с грязным бельем. С собой я принес рюкзак, забитый привычными мальчишескими аксессуарами: потертыми кроссовками, потрепанным футбольным мячом, потной футболкой и опустевшей флягой из-под воды. Необычным компаньоном моих футбольных принадлежностей в тот раз стал спичечный коробок, завернутый в серебристую фольгу.

– Я просто спросил, – сразу отступил отец, голос которого становился тише и тоньше при первых признаках маминого недовольства.

– Так и он спросил, – заметила мама. – Просто спросил, сколько стоит доллар.

– Ну, на это легко ответить. Шестьдесят копеек за один доллар. В газете «Известия» каждую неделю курс публикуют.

– Идиот, – выдохнула в сторону мама так, чтобы ее не услышал отец.

Зато ее услышал я, и это надломило мой детский мир – между прочим, вторично за один день. Что бы не происходило, я знал, что мама и папа всегда за меня, но еще сильнее – друг за друга. От этой их неделимой связи и мне было спокойнее. Мама оскорбила отца, а ранила меня – в самое сердце. А еще я понял, что дядя Толя недалеко от истины, и десять рублей, которые он посулил за найденный доллар были, возможно, и недостаточной компенсацией, но уж точно не как в газете «Известия» – грабежом среди бела дня.

Перед сном я едва успел перепрятать обернутый в фольгу коробок в ящик с игрушками, как в комнату вошел отец. На пороге он обернулся, неслышно закрыл за собой дверь, как делал каждый раз, когда заходил пожелать мне спокойной ночи – в отличие от мамы, которая в это время уже спала.

– Ты еще не лег? – тихо спросил он, хотя я еще и не думал раздеваться.

Отец вздохнул, почесал голову, и если до этого сон уже сгущался над моей головой, теперь его как рукой сняло.

– Ты пойми, – отец словно продолжил начатый ранее разговор, – я не хотел тебя пугать, но ты должен знать, с чем можешь столкнуться.

Признаться, после этих его слов я испугался еще больше.

– Ты же знаешь, доллар – это американские деньги, у нас они запрещены. Ну, как запрещены, – поправился он, – у нас на них нельзя ничего купить. И даже показывать их никому нельзя.

– Почему, пап?

– Ну как почему? Потому что Америка – враг Советского Союза. Ну, как враг... Может, и не враг. Да и не враг, наверное. Там тоже много хороших людей, которые хотят мира. Вон, Чарльз Хайдер сколько недель уже голодает.

Папа ударил в точку. Ежедневные репортажи в программе «Время» о несчастном бородатом дядечке, который объявил голодовку под стенами Белого дома, вызывали в моей детской душе бессильную злобу. Мне до дрожи стало стыдно, что в двух шагах от нас с папой, под завалами моих любимых машинок, пистолетиков,

воланчиков и пистонов, лежит купюра, которой может не хватить для спасения жизни знаменитого голодающего.

– Просто хочу, чтобы ты знал, – сказал папа. – Никогда не касайся незнакомых денег. Любая купюра, кроме наших рублей, может быть подброшена нехорошими людьми, даже шпионами. Может быть, даже отравлена, понимаешь?

– Я не касался, – пробормотал я и сразу сообразил, что прокололся.

На мое счастье, именно в это мгновение отец вернулся к отправлению традиционного ритуала перед сном. Улыбнувшись, он обнял меня и поцеловал в макушку.

– Ты уже большой мальчик и должен знать, какие опасности могут ожидать во взрослом мире, – сказал он. – Спокойной ночи, сынок!

– Спокойной ночи, пап.

Лучше бы вместо отца в комнату ворвалась мама и наорала на меня. От папиных слов, сказанных мягким, почти плюшевым тоном, мне стало совсем не по себе. Я не боялся шпионов, не страшился чьих-то рук в черных перчатках, мявших эти проклятые зеленые бумажки, прежде чем приступить к своим черным делам. Эти руки окунали доллары в неглубокие пластмассовые ванночки – в таких мы с отцом проявляли фотографии в ванной комнате, при тусклом свете красной лампы. Не пугала меня и мысль о самолете-разведчике, с которого ворох отравленных долларов разлетается в небесах, и бумажки долго и хаотично носятся где-то там, в вышине, пока не спикируют на нашу советскую землю.

Глядя в темное окно, я цепенел от другого, куда более страшного кошмара. Я чувствовал, что внутри меня, в животе, в груди или даже в коленях происходит что-то жуткое, от чего нет спасения. В горле пересохло, во рту появился металлический привкус, я понимал, что еще чуть-чуть – и начнется: из моего тела ползут кривые корневища, похожие на заросли кораллов. Пробивая кожу, они будут расти изнутри, пока не опутают меня всего, и то же самое будет одновременно происходить с родителями. Мы будем умирать медленно и страшно, истекая кровью, без криков и стонов, ведь наши легкие будут насквозь изрешечены, а голосовые связки разорваны.

Однажды я уже умирал подобным образом, когда родители, переглянувшись, одновременно потянули руки к моему рту, над которым я было занес сладкий сырок с изюмом. Почему-то из всех бед радиации после недавнего Чернобыля, главную опасность папа с мамой видели в тех немногочисленных продуктах, которые я поглощал с неподдельным удовольствием. Теперь же радиация напомнила о себе неожиданным образом, и безжалостное облучение всей семьи, несмотря на саркофаг из фольги, самолично возведенный мной вокруг коробка с долларом, страшило гораздо сильнее, чем яды, нанесенные на купюры американскими диверсантами. Я понял, что должен вернуть доллар, как можно быстрее и безо всякой компенсации.

На следующее утро, поразив маму безропотной расправой над порцией ненавидимой овсянки, я поспешил во двор бабушки, прихватив с собой заветный коробок. Местом передачи доллара я выбрал яблоню – само собой, не понимая символичную закольцованность собственного решения. Воспользовавшись реквизитом из ясельного периода, желтым пластмассовым совком с отбитым уголком, я выкопал, а точнее, выковырял под яблоней скромную ямку, глубиной как раз под спичечный коробок. Дождавшись, пока под черноземом скроются блики фольги, я аккуратно примял землю ладонями. Поднялся, отряхнул почерневшие колени, кивнул окну, где жила мать дяди Толи, и для верности помахал рукой.

В одном я был уверен. Тюль за оконным стеклом даже не колыхнулся.

Примар Каушан пялится в мою визитку, и я, так и быть, даю ему дополнительное время, сам же использую вынужденную паузу для осмотра его рабочего кабинета. Совсем недавно здесь был ремонт, и, хотя характерные запахи успели выветриться, меня не проведешь: на свежеекрашенных стенах нет ни пятнышка, кое-где на плинтусах остались полосы строительного скотча, да и мебели в кабинете по минимуму, начальственный стол и пять стульев, на одном из которых я восседаю напротив градоначальника. Правда, картину над его головой уже успели повесить, и это – портрет Штефана Великого. Молдавский господарь почему-то нарисован в стиле вышивки, что только усугубляет возникшее у меня предчувствие, что все в этом кабинете, несмотря на свежий ремонт, – временное, и вряд ли продержится больше года.

Примар так долго хмурился, изучая мою визитку, что я вынужден нетерпеливо откашляться. Перед ним на столе внушительная папка с документами, которую я положил еще до того, как извлечь из бумажника картонный верительный прямоугольник со своими контактными данными.

Я не обманываюсь тупым выражением лица примара, прекрасно понимая, что своими пальцами он мнет визитку вовсе не от собственной глупости. Да и лицо его, не отягощенное интеллектом – такой же необходимый элемент карьеризма, как ничем не ограниченная непорядочность. Пожалуй, он даже переигрывает, когда шевелит губами, делая вид, что читает по слогам. Он так же, как и я, берет паузу, и совсем не для того, чтобы проводить визуальный аудит состояния кабинета. Примар сканирует посетителя, не глядя на собеседника, пытаюсь просчитать, какие риски несет этот визит, и главное, какой навар ему с этого будет?

Я слишком много видел таких как он, проходимцев с тупыми лицами и беспредельной наглостью. С ними у меня один разговор, предельно доброжелательный и беспощадно напористый. Я не перестаю улыбаться, даже когда перехожу к скрытому шантажу или к прямым угрозам. Когда беседа заходит в тупик и дело пахнет мордобоем, я с широкой улыбкой заявляю, что могу уйти хоть сейчас, вот только вместо меня придут, и очень быстро, другие, куда менее улыбчивые люди. Кто это, бандиты или знакомые из прокуратуры, уточнять нет смысла – для всех очевидно, что разницы между ними никакой.

Я обожаю такие истории еще и потому, что они для меня – лишний повод закрутить гайки в родном коллективе. Затишье перед бурей – это не только о погоде, но и о нравах сотрудников «Фортус Констракшн». От длительной благодной тишины я не жду беды – я ее предупреждаю. Играя на опережение, стараюсь не допустить ситуации, когда после долгого штиля вдруг начинается самое неприятное, что можно ожидать от подчиненных. Первым с просьбой о повышении зарплаты заявляется самый забитый сотрудник, тот самый, который на собраниях боится оторвать взгляд от будто вросших в поверхность стола собственных рук. Первый робкий камешек, за которым начинается целый камнепад просьб, требований, претензий, заявлений об увольнении по собственному желанию – только успевай уворачиваться. Поэтому я делаю ход первым, вызывая первого попавшегося менеджера на доверительную беседу.

Я поручаю, да что там поручаю – прошу его оказать компании услугу, которая под силу только ему. Представить «Фортус Констракшн» на переговорах с клиентом, договор с которым – уже факт, причем в буквальном смысле, на бумаге, в двух экземплярах, с подписями и печатями. Моему менеджеру знать об этом не обязательно. На встречу он отправляется в полной уверенности, что от его талантов, так красочно расписанных его боссом, о которых он и сам не подозревал, зависит не только

успешное заключение сделки, но и его собственное карьерное будущее – разумеется, головокружительно-блестящее. Клиенту я сообщаю нечто противоположное. Именно, что один из моих менеджеров направляется к ним в офис с, в общем-то, рутинным поручением: на месте согласовать ответственных лиц за исполнение работ согласно заключенного договора. Сам же я запираюсь у себя в кабинете с чашечкой кофе, ложусь на диван, закинув ноги на спинку, и ожидаю начала шоу.

После всего неизбежного, после всех этих звонков с вопросами, с проявлениями недоумения и разочарования, я спешу заверить, что произошла нелепая ошибка. Что менеджер был направлен в офис другого заказчика, с совершенно иным поручением и прошу клиента немедленно, без выяснения подробностей, выставить его за дверь, разумеется, с соблюдением приличий. Затем приказываю секретарше найти Виктора, чтобы тот сейчас же, без промедления, доставил меня лично в офис клиента.

Спустя пару дней, в течение которых мои подчиненные переговариваются исключительно шепотом и ходят разве что не на цыпочках, наступает время горячего блюда. Я созываю собрание, на которое прихожу с мрачным и, пожалуй, даже растерянным выражением лица. На подчиненных стараюсь не смотреть, не отрывая невидящего взгляда от бумаг перед носом. Хотя посмотреть, признаюсь, соблазн велик. Увидеть эти бледные наглые рожи, мечтающие уже не о повышении зарплаты, а лишь об одном – чтобы их не вытурили из компании ко всем чертям.

Я заявляю, что крайне разочарован. Что надеялся, верил в то, что у нас – одна из лучших и самых профессиональных команд. Что мне есть на кого положиться, что мои менеджеры – образец креативности и инициативности. Что я могу не появляться в офисе днями и даже неделями, зная, что компания – в надежных руках моих соратников. В руках людей, ради которых не жалко никаких денег, потому что в отношении них действуют куда более ценные категории – профессионализм и доверие. И вот простое испытание провалено, а с ним провален не просто конкретный проект, нет! Завалено целое направление, на которое я как руководитель возлагал такие надежды!

Перед поездкой в Каушаны я не планирую подобные представления, не доверив никому из подчиненных даже намек на собственные планы – по крайней мере, до поры до времени. Когда примар наконец отрывает взгляд от визитки, его лицо приобретает предельно скорбное выражение. Я не злоупотребляю своими знакомствами, лишь на пороге отрекомендовав себя тем самым директором строительной компании, насчет которого ему звонила Корнелия. Но теперь, когда он опасливо косится на папку, которую я по-хозяйски бросил ему на стол, ничто не мешает мне перейти в наступление.

– Эта гостиница, – говорю я, – уникальный проект ретро-отеля, который мы планируем создать по всей стране. Начать решили именно с вашего замечательного города.

Примар поджимает губы, толстые карикатурные губы, нелепо обрамляющие маленький рот.

– В нашем городе три гостиницы, – замечает он. – А квартир сдают тысячи полторы, не меньше. Особенно, как после начала войны понаехало этих...

Он вздыхает, словно ему лично пришлось договариваться с владельцами квартир о заселении украинских беженцев.

– Это другое, – нетерпеливо поясняю я. – Мой личный проект с солидными инвестициями пока в пилотном варианте. Одна квартира, которую я случайно заприметил, проезжая через ваш замечательный город. Там идеальная локация, аутентичные виды – ретро как оно есть. Вот только одна проблемка.

Наши с примаром взгляды сходятся, причем в одной точке. На моей папке, лежащей на его столе.

– Именно так, – улыбаюсь я. – Рад, что мы понимаем друг друга.

Примар поднимает глаза, и я, не встретив в его взгляде и намека на то, что наши мысли движутся параллельными курсами, машинально лезу в карман – быстрее схватиться за спасительный Ключ.

– Можно побыстрее? Меня люди ждут.

Он смотрит на часы, и хотя приемная за моей спиной совершенно пустая, крыть мне, откровенно говоря, нечем. Люди могут ждать примара где угодно, даже на другом конце города.

– Чистая случайность, конечно, – говорю я. – В том смысле, что мы это все обнаружили. С другой стороны, в нашей компании мы ничего не планируем, пока не убедимся, что с формальной точки зрения все чисто.

Тут я, наконец, беру папку со стола, демонстративно взвешивая ее на ладони.

– Полсотни страниц нарушений. Только сумасшедший будет инвестировать в этот бардак.

– Стоп, секунду, – перебивает примар. – Вы на прием пришли или с проверкой, я что-то не понял? Вы кто такой?

– Я от Корнелии, – напоминаю я, но примар, похоже, не на шутку разволновался.

– Секунду, – повторяет он. – Вы кто такой?

– Вы так подробно изучали мою визитку, – улыбаюсь я, чувствую в груди неприятный холодок.

Кажется, я перегнул палку, и это – тот еще сюрприз. В то же мгновение происходит что-то странное. Будто кто-то невидимый, даже неосознаваемый, появляется в кабинете. Хуже того, он был здесь все это время, слышал весь наш разговор. Мне хочется обернуться, но встретившись взглядом с примаром, я убеждаюсь, что этот неосознаваемый действительно слышит и видит все, что здесь происходит, и что он – человек, которым когда-то был сам примар.

Воспоминания накрывают меня как пыльная буря, оседают тяжелыми облаками песочной пыли, которая поднималась каждый раз, когда кто-то из нас, разгоряченных и грязных мальчишек, вместо мяча вонзался ступней в кочки на футбольной площадке спортгородка через дорогу от бабушкиного дома. Из ворот, которые я занимал сколько себя помню, – первоначальные уговоры ребят переросли в убежденность в моем вратарском призвании, – моему взору открывалось разнообразие возрастов и физических данных, от малолетних шкетов до пузатых лысеющих мужиков. Последние не стеснялись в выборе средств физического воздействия на малышня, годившуюся им в сыновья или даже во внуки, компенсируя неповоротливость и потерю скорости толчками в корпус и банальными подножками.

Он мало изменился с тех пор, в том смысле, что был, в отличие от меня, узнаваем. Даже Ребекка, глядя на фотографии моего класса, никогда не находит меня с первого раза, и даже интересно, смогла бы Корнелия узнать меня в том большеголовом тощем мальчишке с прищуренным взглядом, словно это ему одному, а не всему классу, светило солнцем прямо в лицо.

Вряд ли он существенно вымахал в длину, вот разве что предсказуемо стал крупнее, словно фигуру того пацана из моих воспоминаний загрозила увеличительная лупа. Все остальное было точно таким же, как и тридцать лет назад: прямоугольное лицо с массивным подбородком, набухшие губы, обрамляющие крохотный рот, светло-голубые глаза с крохотными зрачками-точками. Тупой, пронзительно-ядовитый взгляд, который я успевал поймать за мгновение до того, как мяч отскакивал от его головы, и

вот уже я, как по команде, вытягивался в прыжке с одной целью – не дать всколыхнуться сетке ворот за моей спиной.

– Дорин? – я словно окликаю старого знакомого, выловив его взгляд в уличной толпе. – Спортгородок, футбол. Не узнаешь меня?

– Почему, узнал, – говорит примар, ничуть не меняясь в лице.

Коротко, но громко хохотнув, я хлопаю папкой о стол примара, а ладонью другой руки – себя по ноге.

– «Роллинг Стоунз», да?! – в горле у меня моментально пересыхает, а вот глаза, напротив, влажнеют.

Я помню тот далекий день, когда решил притащить на спортгородок магнитофон, переносной однокассетник оранжевого цвета, купленный в Кишиневе на центральном рынке. Магнитофон начал фонить при первом же прослушивании, а наличие двух встроенных колонок не предполагало наличие стереозвука. Годы спустя, обставив дом акустикой «Маршалл», заполнив шкафы оригинальными винилами от «Парлофона» и «Пате Маркони», я как дурак каждый раз удивлялся, обнаруживая новые звуки, аккорды и многоголосия в миллион раз слушанных вещах, там, где оранжевый друг моей юности не был в состоянии распознать их и воспроизвести для моих ушей.

Кассета, которую я поставил ребятам после футбола, была пиратским сборником «роллингов» первой половины шестидесятых. Я купил ее летом девяносто пятого в кишиневском «Детском мире», в месте, который знали все столичные меломаны тех лет. В крохотной стеклянной будке, встроенной слева от входной двери в магазин. К тому времени мне уже осточертели «квины», и ничего лучше «Дорз» во всей мировой музыке не было и не предвиделось.

Черная этикетка новинки сразу бросилась в глаза, я поначалу даже решил, что продавец втиснул на полку с кассетами пачку сигарет. В небольшой кружок посреди черного прямоугольника поместились лица всех «роллингов», и именно из-за этой фотографии, нечеткой и будто выцветшей, я решил на покупку сборника группы, о которой без запинки мог изложить лишь два факта: что в истории рока это коллектив номер два, и что, кроме «Satisfaction», я вряд ли припомню какую-то другую из их песен.

Кассета не выпрыгивала из моего магнитофона все лето, и я просто не мог не инфицировать этой заразой еще кого-то. Я врубил «роллингов» после игры, когда все мы, грязные и вонючие, наглотавшиеся песка и пота, пили, не разбираясь, из своих и чужих бутылок, нагревая и без того знойный воздух своими горячими дыханиями. Дорин был единственным, кто увязался за мной, и всю дорогу до моего дома мы так и шли втроем: я, он, и оранжевый магнитофон на моем плече, устроивший в тот вечер британское вторжение на непуганые каушанские улочки через тридцать лет после завоевания Америки. Три или четыре раза, покупая в «Детском мире» кассеты «Роллинг Стоунз», я приобретал два экземпляра, себе и Дорину, который неизменно ждал моего возвращения, зажав в ладони мятые купюры.

Потом Дорин исчез – с футбольного поля и из моей жизни, не появляясь в ней до того момента, когда я узнаю в нем примара своего родного города. Мне сложно совладать с учащенным сердцебиением, с этой воодушевляющей стенокардией. Я чувствую, что взорвусь, если не выговорюсь прямо сейчас.

– Дружище, – говорю я, – давай начистоту. Никакой гостиницы не будет. Это квартира моего детства, и я хочу ее купить.

Я замолкаю, чувствуя, что мне не хватает дыхания от подкатившего к горлу огромного комка. Мысленно посчитав до пяти, я все же овладеваю собственным голосом.

– Когда я увидел, во что превратили дом моего детства... Хочу купить квартиру и сделать ее такой, какой она была в моем детстве. Это ведь первый случай, когда к примару приходят с такой идеей?

Кашлянув в кулак, Дорин наклоняется, чтобы поднять из-под стола бутылку с водой.

– Ну а кому еще, как не владельцу строительной компании, реализовать ее? – радостно упражняюсь я в остроумии.

Рассмеявшись, я жду, пока Дорин сделает неторопливые глотки прямо из бутылки. Мы двое – как деловые партнеры из прошлого, ударившие по рукам тридцать лет назад, но так и не скрепившие договор подписями. Сегодня этот день наконец настал, и изменить той прежней священной клятве – значит изменить себе, не меньше.

– Все будет так, как сорок лет назад, – обещаю я. – И во дворе все верну как было.

8

За мячом, выскользнувшим из рук и поскакавшим к гаражу, я рванулся не раздумывая, с самоотверженностью, превосходившей все мои вратарские навыки. Стоявший рядом Миха только и успел, что издать какой-то шипящий звук, но опасность миновала прежде, чем мы успели ее толком осознать. Я остановил мяч в прыжке, приземлившись одновременно на локти и колени.

– Эй!

Михин отец, монументальный дядя Саша, смотрел на меня с высоты своих двух метров и полутора сотни килограммов, не испытывая ни капли благодарности к другу своего сына, разодравшему кожу до крови лишь для того, чтобы не навредить его прихоти, за воплощением которой мы с Михой наблюдали все утро, отложив священное, на период летних каникул, утреннее времяпрепровождение – футбол на двоих с комментированием.

Впрочем, оно того стоило, и царапины в том числе. У боковой стенки металлического гаража, на крохотном раскладном табурете сидел человек с длинными растрепанными волосами, уже одной прической не похожий ни на одного из жильцов бабушкиного дома. Перед ним, прямо на траве, стоял диковинный чемодан то ли из дерева, то ли из необычайно плотной лакированной фанеры. Из-под откинутой крышки открывался вид на внутренний мир чемодана, сплошь состоявший из разноцветных кружочков краски, которых человек на табурете то и дело касался длиннющей, как стрела лучника, кисточкой.

К тому моменту, когда мяч выскользнул у меня из рук, примерно треть гаражной стены превратилась во фрагмент будущей картины. По горизонтали изображение делилось на две неравные части. Большую верхнюю половину занимали узкая полоса неба и сразу под ней – осенний лес, в нижней же части угадывался водоем, в водах которого весьма правдоподобно искажались элементы из верхней половины. Художник рисовал мелкими мазками, и когда я, лежа с мячом в обнимку в двух шагах от гаража, чувствуя боль и жжение в локтях и коленях, поднял глаза, то ничего не смог разобрать, кроме цветного мельтешения на листе металла.

– Пошли, – тихо скомандовал Миха, потянув меня за руку.

Я не стал спорить, а послушно заковылял за ним, полностью полагаясь на Михины ожидания от дальнейших реакций его отца, человека, регулярно опровергавшего представление о том, что великаны и толстяки – непременно великодушные добряки. В спорные моменты от дяди Саши лучше было держаться подальше, и спортгородок через дорогу от дома был идеальным временным убежищем.

До обеда мы все же успели погонять мяч, а учитывая мои утренние травмы, можно сказать, что ежедневную норму мы выполнили на все сто. Я не покидал ворот, Миха же носился как угорелый, отдавал пасы и сам же принимал их, послушно подчиняясь течению репортажа, комментатором которого, как обычно, выступал я сам. Вот Оскар Руджери пасовал на Батистуту, который отправлял в прорыв Бурручагу, проход которого прерывал Томас Бертольд. Овладевший мячом Андреас Бреме длинным пасом выводил один на один Пьера Литтбарски, удар которого в прыжке блестяще отражал Пумпидо. Я вставал, отряхивал песок с садины на локте, но праздновать не было времени – Миха в роли Лотара Маттеуса бежал на подачу углового, и я, все еще в роли вратаря Пумпидо, комментируя эпизод, одновременно выбегал на перехват, надеясь успеть прервать передачу до того, как Миха окажется в центре штрафной после своего же паса, но уже превратившись в Карла-Хайнца Румменигге, центрфорварда, которого боялись защитники и вратари лучших команд планеты.

Не переигрывая финал чемпионата мира, мы вклеивали собственную страницу в историю противостояний сборных Аргентины и Германии. Кто-то назовет ее подделкой, но для нас, выдохшихся на жару пацанов, она была такой же реальностью, как редкие репортажи по центральному телевидению. Со спортгородка мы возвращались счастливыми, каждый по-своему переживая лучшие моменты матча. Финты Марадоны, имевшего уйму моментов, но ушедшего с поля без гола, не забитый Бреме пенальти, а главное, потрясающий гол Бурручаги, забитый Михой в падении через себя после того, как я отбил мяч кулаком по непростительно высокой траектории.

Во дворе нас ожидало еще одно чудо, подсыхавшее на стенке гаража под жгучими летними лучами. Художнику оставалось не больше метра в правой части полотна, но картина, во всех смыслах, была ясна. Чем ближе к моей яблоне пересаживался художник на своем табурете, тем выше и ближе к зрителю становились деревья, тем меньше места доставалось небу и реке. В средней части картины, чуть ближе к ее левому краю, виднелась крохотная фигурка автомобиля, который – и это было понятно без пояснений – мчался вдоль реки по лесной опушке. Эта фигурка, темно-болотного цвета, изображала «бобик» дяди Саши, реальный близнец которого стоял здесь же, в гараже, прямо за стенкой, на которой подсыхал его миниатюрный портрет на фоне пейзажа настолько живописного, что старенький армейский газик выглядел по меньшей мере хаммером из заграничной туристической рекламы.

– Как быстро пролетело время!

Разделяет ли Дорин мой печальный вывод? Скорее, его настораживает мой мгновенный переход к рассуждениям о быстротечности бытия от конкретного обещания перелопатить двор детства. Но меня уже не остановить.

– Кстати! – восклицаю я. – «Роллинг Стоунз» выпустили новый альбом. А ведь им всем за восемьдесят!

Я хочу еще добавить, что оригинальный винил уже занял одно из почетных мест в моей коллекции, что пластинку по предзаказу я получил из Лондона уже на третий день после официального выхода, и что до этого я, как истинный меломан, разве что уши не затыкал, лишь бы не опорочить свой слух цифровым звучанием до того, как игла проигрывателя коснется божественного винила. Но примар возвращает меня к реальности.

– Квартира на Матеевича – частная собственность. Не понимаю, чем я могу помочь.

– Разумеется, частная, – тянусь я к папке. – Могу даже сказать, когда она была приватизирована. В каком году по наследству перешла к моей маме и когда – продана новым хозяевам.

– А примария тут при чем?

– При чем? – переспрашиваю я, шурша листами в папке. – Ну вот, например. Градостроительный сертификат... Так, здесь все в порядке... А, вот! Заключение кадастровой службы. Шестнадцать нарушений при перепланировке объекта. Или акт проверки строительной инспекции – зачитать?

Дорин поднимает бутылку с водой, неспешно, без малейшей дрожи в руке и также степенно отхлебывает из нее.

– Есть определенная законом процедура, – напоминает он. – Вы можете обратиться к нам с жалобой на основании предоставленных документов, и примария обязательно ее рассмотрит. Разрешительные документы на перепланировку конкретного объекта выдавались до меня, но мои коллеги с удовольствием проанализируют, были ли допущены нашими предшественниками какие-либо нарушения.

– Дорин...

– И еще. Давайте все-таки не переходить на личности, – он едва заметно улыбается. – Даже если когда-то мы были знакомы.

Предыдущую фразу он произносит чересчур складно, будто читает с экрана, но делает это свободно и естественно. Словно в безнадежно устаревшем компьютере запустили простейшую, все еще рабочую программу, после закрытия которой машина снова превращается в рухлядь из пластика, проводов и полупроводников.

– Что-то пошло не так, – вслух констатирую я. – Так мы потеряем уйму времени и вряд ли добьемся результата.

– Ну это же вам надо.

– Да, конечно. Я просто думал, раз уж выяснилось, что мы не просто земляки...

– Один совет, – перебивает Дорин и его лицо становится сосредоточенно-цепким. – Лучше не соваться в эту квартиру. К этим людям.

– Знаете, меня в нашей беседе уже ничего не удивляет.

– Это просто совет.

Я уже точно знаю, что буду делать дальше. Схема известная, испытанная годами. Если не срабатывает административный ресурс, сгодится финансовый фактор. Обычно в таких ситуациях я не церемонюсь, быстро сворачивая разговор, иногда даже не прощаясь. Но со знакомым детства я, так и быть, расстанусь по-своему элегантно.

– В любом случае благодарен, – говорю я, поднявшись со стула, – хотя бы за нахлынувшие воспоминания. Их не купишь ни за какие деньги. И, кстати, отвечу советом на совет, – добавляю я, внутренне поклявшись, что никогда больше по собственной воле не увижу это лицо, – не стоит тебе, Дорин, слушать новых «Роллинг Стоунз». Забей.

От примарии до Церкви Успения идти не больше минуты. В детстве до этого памятника архитектуры шестнадцатого века мы добирались куда быстрее, на санках стартуя от подножия лестницы, по которой посетители поднимались в здание горсовета; слово «примария» пришлось выучить после распада Союза. Обычно снежная трасса проходила вдоль невысокого, утопленного временем в землю церковного забора, сложенного из массивных ракушечников. Порой от некоторых из нас отворачивалась фортуна, санки сходили с наезженной трассы, и тогда в лучшем

случае ты перелетал через средневековое ограждения прямоком во двор церкви, отряхиваясь и отплевываясь от снега, радуясь тому, что о камни разнесло ветхие санки, а не твою мальчишескую голову.

Бросив взгляд на ауди, оставленный на пустующей парковке перед воротами церкви, я прохожу мимо двухэтажной хрущевки, на вид – точно такой же, ради которой и пришлось затеять весь этот балаган. Когда-то в этот дом влетел автомобиль, груженная фура, водитель которой не справился с управлением и с обычным ультиматумом хозяина груза: или доставка в срок, или оплата скоропортящихся товаров из собственного кармана. От аварии на доме остался гигантский цементный шрам, тянувшийся от цоколя до середины первого этажа, по счастью, не задев оконный проем. След был явным и неоспоримым свидетельством происшествия, в отличие от школьных рассказней, что именно этой дорогой Пушкин ехал к швейцарцу Тардану – провести пару-тройку беззаботных дней на морском побережье, в дружеских беседах, любовных авантюрах и дегустациях шабских вин.

Заметно обветшавшее здание ресторана – в свое время единственного во всем городе, где, по семейной легенде, родители обедали лишь однажды и, разумеется, без меня, – я бы мог приобрести прямо сейчас, пусть и ценой заметной дыры в бюджете «Фортус Констракшн». Но сегодня на повестке дня другой финансовый вопрос: какую сумму предложить за бабушкину квартиру после провальных переговоров в примарии? И почему эта идея не пришла мне в голову пару лет назад, когда цены на недвижимость не взлетели до небес, и за деньги, которые теперь придется потратить на покупку квартиры, я мог бы купить все восемь квартир в хрущевке своего детства?

Я двигался к своей цели параллельно дороге, по которой несколькими днями ранее ехал, сидя на заднем сиденье того же самого ауди, то и дело вгоняя Виктора в стресс. Сегодня с моих плеч словно гора свалилась: я шел пешком по родному городу, куда приехал один, без водителя и необходимости вернуться в офис не позже обеда. Фиаско в кабинете Дорина придало мне дополнительную легкость, я был готов торговаться, весело и остроумно, пусть даже в ущерб финансовой стороне будущей сделки. Меня удивляло все: и бывший дом детского творчества, переделанный под офисы успевших разориться контор, и мост через речушку Лунгу, из бетонной плиты вместо прежних скрипучих досок, и даже газетный киоск, стоявший на том самом месте, на углу почты и первой школы.

Сделав еще с десяток шагов, я замираю, не веря своим глазам. Над школьным забором нависают тяжелые ветви, которые здесь, в этом месте, могут расти из ствола только одного дерева – белой шелковицы, каждый год в первой половине лета бомбардировавшей тротуар у забора ягодными метками, которые до самой осени не смывались даже после проливных дождей. Удивительно, но сейчас, остановившись под кроной старой шелковицы, я чувствую себя гораздо ниже, чем тогда, почти полвека назад, когда ее юные ветви отчаянно пригибались под тяжестью каких-то двадцати килограммов моего мальчишеского тела.

Шелковица пережила не только мою молодость, но и многих моих ровесников. Даже забор, казавшийся вечным школьный забор из тяжелых выбеленных бетонных тумб с пирамидальными наконечниками, соединенных решеткой из вечно выцветшего металла, с фигурами олимпийского мишки и персонажей из советских мультфильмов, заменили нахально-высоченными металлическими балками, соединенными горизонтальными брусами, покрашенными в грязно-серебристый цвет. Не знаю, будут ли после увиденного меня и дальше посещать сновидения, в которых тот старый забор был неизменной декорацией, да и хочу ли я его видеть снова.

Это сон я вижу всю жизнь, хотя и не могу припомнить, в каком возрасте он приснился мне в первый раз. Во сне я вижу себя ребенком четырех-пяти лет, с трудом

вращающим педали трехколесного велосипеда. Через узкую калитку школьного забора, между теми самыми бетонными колоннами я кое-как заезжаю во двор школы, где и начинается самая жуть. Память не работает во сне, и проживая свое видение снова и снова, я цепенею от ужаса, как старик с деменцией, которому раз в неделю попадают на глаза леденящие кадры одного и того же фильма ужасов. Что-то необъяснимо тяжелое нависает надо мной, над головой этой крохотной фигурки на велосипеде – настолько, что я не в силах задрать эту самую голову, чтобы взглянуть вверх, в лицо опасности. Один посреди школьного двора, я не в состоянии даже слезть с велосипеда, и всякий раз сон прерывается за мгновение до того, как со мной, с этим малышом, произойдет что-то непоправимое. Не помню, снился ли мне хоть раз двор моего детства, но оказавшись в нем, я понимаю, что если пробуду здесь с полчаса, восстанавливать будет нечего: воспоминания окажутся начисто стертыми печальной реальностью.

Я сразу замечаю старую беседку посреди двора, наполовину загороженную кроной ореха, посаженного неизвестно кем и непонятно когда. Когда-то беседка была почти синей, потом зеленой, теперь ее выкрасили в розовый цвет, и сделали это лет пятнадцать назад, отчего беседка больше походит на руины дворового сортира нелепой конструкции. Дяди Сашиного гаража и след простыл, вместо него теперь – забетонированная площадка, простирающаяся под окна соседнего дома, похоронившая не только воспоминания о бегущем по лесной опушке «бобике», но и место, где когда-то возвышалась моя яблоня и где теперь над долларом в спичечном коробке возведен монументальный цементный саркофаг.

Линии на бетонной площадке честно размечают равные места для пяти автомобилей, в наличии из которых имеется лишь один – красный ниссан; вместо остальных машин подняты парковочные барьеры. Площадка упирается в трехметровую бетонную стену, возведенную на месте деревянных сараев. В левый нижний угол бетонной стены вмонтирована одинокая дверь, из-за чего конструкция напоминает неуместную в этой обстановке авангардную инсталляцию, за которую, возможно, вступился бы Роман, если бы проект переустройства двора стал реальностью. Точно такая же дверь заграждает вход в наш подъезд, который в детстве всегда был открыт, а дверь – ту прежнюю, деревянную, подпирали камнем.

Теперь он заперт на замок, не нахожу я и звонка, и потому уверенно барабаню костяшками по дверному металлу. Обе квартиры на первом этаже кажутся необитаемыми, окна разве что не заколочены досками, и если с жилищем тети Жени – старой кошатницы и алкоголички, жившей под нами – это объяснимо, то запустение в Михиной квартире навевает горькую тоску.

– Эй! Есть кто живой! – задрал голову, я отступаю на пару шагов назад.

В ответ громынуло окно, но не в нашем подъезде, а в соседнем. В четвертой квартире на втором этаже, там, где когда-то проживала одинокая тетя Лиза, мелкая сухонькая женщина, лица которой я уже никогда не вспомню.

– Добрый день! Вы не подскажете...

Вскинув ладонь, я осекаюсь, понимая, что никого не вижу в окне, шум которого вполне мог оказаться всего лишь эхом, грохотом ставней соседнего дома. Все-таки забавно, что впервые в жизни я не могу попасть в подъезд, где прошло мое детство. Повертев в кармане Ключ, я вижу, как дергается ручка двери и раздается – наконец-то! – лязганье дверного замка.

Невысокий лысоватый мужчина, в одной футболке, в затертых спортивных штанах, улыбается мне сквозь густые свисающие усы, переходящие в неопрятную щетину. Он явно старше меня, но я не берусь судить, разделяет нас пять лет или двадцать.

– Здравствуйте! – делаю я шаг ему навстречу. – Вы не из восьмой квартиры?

Он все же заметно старше, но, в отличие от меня, почти без седых волос. Усы его цвета мокрых опилок, смоль редких волос на голове и, в особенности, густая небритость придают лицу оттенок недавнего, но уже успевшего «отдохнуть» загара.

– Добрый день, – повторяю я, не дождавшись ответа.

Он все также улыбается сквозь усы, и эта затянувшаяся улыбка – верный признак того, что обмен информацией между нами будет непростым и, вполне возможно, бесполезным для меня.

– Вы в порядке?

– Из седьмой, – внезапно отвечает он на предыдущий вопрос. – А ты сын Петра?

– Что? Ах, да. Моего отца так зовут. А вы, простите?

– Умер он.

На пьяного мужик не похож, хотя на пьющего – определенно.

– Умер? Не-е-ет. Родители в Канаде больше десяти лет. Вы помните отца, да?

– Проиграл мне в долг двести леев. Так и не отдал.

– Вы, наверное, с кем-то путаете. Отец не играл в карты.

– В бильярд, мэй²!

– Да он вроде и в бильярд не очень.

– Плохо играл. Они все плохо играли.

Я скользну взглядом по окнам второго этажа в надежде подытожить это, прямо скажем, не самое плодотворное вступление нашего разговора.

– Давно здесь живете? – уточняю я, и мой собеседник разражается смехом, который не спутать ни с чьим другим. Дрожащий, рассыпающийся мелкой дробью смех, мелкие блестящие шарики, разлетающиеся из опрокинутой коробки. – Ион? Ты, что ли?

Он выдает вторую порцию смеха – совсем, надо сказать, не изменившегося за прошедшие десятилетия.

Так уж вышло, что первую встречу с Ионом я, как это сейчас понятно, запомнил на всю жизнь. В тот день в наши футбольные разборки на спортгородке вмешался пьяный взрослый. Такое уже случалось, и механизм защиты всегда был один. Вне зависимости от количества игравших, владевший мячом мальчуган брал мяч в руки, и мы врассыпную разбегались с площадки, на которую медленно оседали песочные облака. Действовало это безотказно, и уже минут через пятнадцать мы, не сговариваясь, возвращались на поле. К тому времени пьяный взрослый, побродив в одиночестве по полю, громко матерясь и пнув ни в чем не повинную штангу ворот, исчезал так же внезапно, как до этого появлялся.

В тот день один из нас нарушил правило, не успев остановить игру до того, как взрослый овладел мячом. Кто был этим клятвопреступником, уже и не вспомнить, тем более что после игры никому и в голову не пришло укорять неумеху. Выскочивший на поле Ион был скорее выпившим, чем агрессивно-пьяным, но уже через пару минут у большинства из нас голова шла кругом, будто это нам, малолетним балбесам, подлили спирта в бутылки с водой. Без конца рассыпая шарики своего смеха, Ион возил по полю всех нас, возомнивших себя наследниками Платини и Марадоны. Отобрать мяч без нарушений не было никакой возможности, да и от подножек Ион уворачивался с такой ловкостью, что любая попытка сбить его с ног грозила травмой лишь покушавшемуся на нелепого усатого мужичка с филигранной футбольной техникой. Лысеть, кстати, он начинал уже тогда, и кроме фактора старения, была еще одна причина, по которой я не узнал Иона сразу – небритость, которую он никогда не

² Восклицание «эй» (рум.)

позволял себе в молодости, отчего его усы выглядели ухоженными и, пожалуй, даже привлекательными.

В нашу компанию он вписался сразу, играя в разной степени опьянения, мы же, юные простачки, не отдавали себе отчета в том, что обрели настоящего играющего тренера, поднявшего наш собственный уровень до невиданных прежде высот. Месяцы прошли, а может быть годы, но только в один из дней Ион поселился на одной лестничной площадке с бабушкой, в седьмой квартире, откуда он и спускается, чтобы открыть мне дверь в подъезд. Что еще нужно, чтобы душа, в которую плюнул примар, вновь развернула свои нежные меха?

– Держи, – вкладываю я в ладонь Иона двухсотлеевую купюру. – Отметишь потом нашу встречу.

Без удивления улыбаясь купюре, Ион вдруг грозит мне пальцем.

– Чего ты? – удивляюсь я. – Мы же соседи!

Но Ион продолжает махать пальцем, как обыватель, уверенный в том, что раскрыл все заговоры этого мира.

– Я не дурак, – говорит он. – Пенсию получаю.

– Мало, что ли? На вот еще!

Прислонившись к двери, Ион закладывает руки за спину.

– Ладно, – легко соглашаюсь я. – Между прочим, я не просто так приехал. Не будешь возражать, если снова станем соседями?

Не вынимая рук из-за спины, Ион мотает головой, и я понятия не имею, согласен ли он со мной или категорически возражает.

– А кто живет в восьмой? Кто хозяин?

Прикрыв глаза, Ион выглядит смертельно утомленным стариком, который оперся о дверь лишь для того, чтобы удержаться на ногах.

– Эй, дружище! – я хлопаю его по плечу, словно желая удостовериться, что он и в самом деле не лишится чувств. – С утра уже набрался, что ли?

– Убьет он тебя.

Голос Иона, неожиданно гулкий и трезвый, звучит еще более неожиданно, чем смысл сказанного им. Как не всматривайся в заросли усов, за ними не разглядеть улыбки, она мгновенно улетучивается с его лица. Пустые глаза, бледность, которую не скрыть никаким загаром.

– Что ты несешь? Кто убьет? Он один, что ли, живет там?

– Убьет, как убил Турмалаю.

– Что ты сказал? – переспрашиваю я, хотя прекрасно все расслышал.

Депутат Турмалай пропал без вести лет десять назад, и с тех пор о нем не было никаких известий. Машину депутата нашли на загородной трассе, кресла, стекла и обшивка были густо забрызганы кровью, которая, как показала экспертиза, действительно принадлежала депутату. Самого Турмалаю не нашли, и признать его погибшим, несмотря на обилие крови, у полиции также не было оснований. Официально депутата ищут до сих пор.

– Иди сюда, – отпрянув от двери, Ион решительно тянет меня за руку.

Я выдергиваю руку, не особо заботясь о вежливости, но и повод высвободиться у меня самый что ни на есть законный. Звонит Корнелия, и пока Ион в своих шлепках движется прямоком к бетонной стене с одинокой дверью, я отвечаю на звонок, не успев при этом сказать ни слова. Вместо этого я слышу крики, ругань, плач, проклятия, вой и снова слезы своей любовницы, которые обрушиваются на меня так же внезапно, как если бы стена, выросшая на месте сараев, рухнула на мою голову. На мою несчастную голову, которая вот-вот и так взорвется, сдетонировав изнутри.

– Ты идешь, мэй?

У стены Ион оборачивается ко мне, но я вижу его словно во сне, в другом кошмарном сне, в котором никак не скрыться от погони, хотя спасительная дверь – вот она, в считанных шагах.

Сегодня Корнелия впервые не смогла попасть в собственный офис – из-за заблокированной карточки. Поломка исключена, карта действительно заблокирована, а программа управления входными картами расположена в одном месте – в телефоне Романа.

– Идешь? Забыл, как там тебя?

В окно кухни бабушкиной квартиры теперь вставлена широкая одиночная пластиковая рама с затемненным стеклопакетом. К той, деревянной раме, дед как-то прибил термометр, однажды ставший свидетелем температурного рекорда: плюс сорок четыре, причем в тени. В тот день мы с Михой вынесли во двор штук шесть трехлитровых банок с холодной водой, разделись до трусов и поочередно вылили на себя все содержимое. Заблокированной оказалась и зарплатная карта Корнелии, а на электронную почту ей пришел приказ об увольнении, отсканированный документ на официальном бланке компании, с печатью и подписью ее собственного мужа.

– Вот здесь, мэй! – Ион бьет ладонью по стене так, будто возводил ее лично, собственными руками с поеденными грибок ногтями. – Турмалай здесь!

– погоди. Секундочку.

Телефон подрагивает у меня в кармане, как от нервного тика от пропущенной через его динамики шокирующей информации. Теперь в него сыпятся сообщения от Ребекки, сплошные сканы, которые не успевают загрузиться, прежде чем вытесняются в ленте мессенджера последующими изображениями. Выписки из регистрационной палаты, доверенности, еще выписки, решения и, наконец, приказ об увольнении, в тексте которого я обнаруживаю собственное имя.

– Он тебя убьет. Мормон, слышал о таком?

Конечно, слышал. Киллера с этой кличкой знали все, кто хоть немного занимался бизнесом в Молдавии. В последние годы его имя вызывало улыбку, он был по-прежнему неуловим, но представлялся вышедшим в тираж призраком, все еще грозным на слух, но бестелесным, а значит, не таким уж и опасным. Мормон принадлежал к представителям исчезающей профессии, но, видимо, все еще получал заказы, которые подпитывались в том числе и тем, что у него почти не осталось конкурентов. Мне и в голову не приходило, что он мой земляк.

– Оплатил мои долги за газ, мэй! А это что? – Ион протягивает мне зажатую в кулаке мою же купюру.

– Постой здесь. Никуда не уходи, ладно?

Я покидаю двор в ритме спортивной ходьбы, но на перекрестке замираю, все так же держа телефон на ладони. Убийца Мормон, живущий в восьмой квартире, планирующий преступления, сидя у окна, из которого открывается вид на самый красивый закат на этой планете. Они объединили наши компании, «Фортус Констракшн» и «Винтериум», в фирму полного цикла, от дизайна интерьера до сдачи готового объекта. Теперь это компания «РЕБРО», спресованное соединение имен владельцев, нехитрый намек на то, что Ребекка и Роман – партнеры не только по бизнесу.

– Они знают о нас, – повторяю я вслух последнюю фразу, брошенную истерившей в телефоне Корнелией.

Под ребром у меня и в самом деле колет и сразу за этим начинает ныть, вязко и неотступно.

– Бред какой-то!

Прохожий, которому я кричу это в лицо, отшатывается в сторону, и я, не извинившись, срываюсь на бег в сторону, противоположную парковке у церкви, оставив за спиной не только дом бабушки, но и кафе «Версаль», своими проклятыми зонтами осквернившее территорию бывшего палисадника, для полива которого я обожал сбрасывать шланг, одним концом прикрепленный к крану на кухне, прямо со второго этажа. Бегу я по проезжей части, и трижды меня обгоняют машины, одна из которых, синий микроавтобус, издает два коротких гудка, прежде чем обдать меня облаком пыли.

Боль под ребром отступает одновременно с внезапной усталостью, холодным потом и дрожью в ногах. Остановившись, я упираюсь ладонями в колени и тяжело, как спринтер после проигранной стометровки, дышу себе под ноги. Сразу за обочиной дороги начинается пустырь, огороженный естественной преградой, рекой Ботна, русло которой делит Каушаны на две неравные половины. Пустырь, оба дома моего детства, почта, спортгородок и три школы из четырех, расположены на правом берегу Ботны, как и большая часть города.

Вцепившись в перила моста через Ботну, на высоте пяти метров над водной границей, разделявшей город, я пытаюсь прикинуть, где именно располагался наш огород, когда пустырь еще был ухоженным полем. На участке мы с дедом разбили две клумбы, добросовестно прибитые лопатами, вытянутые в длину огорода, так что с берега Ботны они напоминали свежие могилы, в которых покоилась пара гигантских особей, какой-нибудь Гулливер с женой. Целый месяц дед таскал меня сюда, ухаживая за клумбами настолько самозабвенно, что, видь это бабушка, в ней наверняка вскипела бы давно подостывшая ревность. Дед краснел и истекал потом, взрыхляя землю тяжелой сапой, без усталости носил ведра с водой, то и дело выливая на клумбы лягушек из Ботны. Кряхтел, ползая рядом со мной на коленях, обрекая нас на самую мучительную работу на свете – ручную прополку сорняков. Когда две клумбы-близнецы налились зеленью сочных морковных стеблей, дед допустил роковую ошибку, выдумав дополнительные сутки для полного созревания корнеплодов.

На следующее утро, гроыхая тачкой, которую в предыдущий раз выкатывали из сарая до моего рождения, мы с дедом отправились за урожаем, предвкушая пахнущую черноземом и свежевыкопанной морковью оранжевую гору, которую с гордостью повезем домой. Увы, вместо сплошь утыканных зелеными пучками клумб мы застали два земляных прямоугольника, изуродованных мелкими ямками и следами от обуви, две могилы супругов Гулливеров, над которыми надругались неизвестные вороватые вандалы.

– Владя, – дед вцепился в мой локоть, я же старался не смотреть на его позеленевшее лицо, боясь, что добыю его одним своим испуганным взглядом.

Рельеф пустыря, где однажды у нас похитили урожай моркови, наполнен следами непростой истории, пережитой этими местами за минувшие годы. Примерно на том месте, где располагались клумбы, теперь возвышается обрывистый холмик странной формы, словно оставленный подземным монстром, показавшим обитателям наземного мира голову и от испуга от увиденного нырнувшим обратно, в глубину преисподней. Еще дальше свалены металлические конструкции, похожие на фрагменты линий электропередач, но какие-то хлипкие, насыщенные явно избыточными деталями. Местами металл проржавел и невозможно определить, являются ли конструкции частью скрытого под землей масштабного сооружения или были когда-то свалены сюда без умысла и с годами вросли в почву своими металлическими корнями.

– Милые мои!

Напуганная моим возгласом, лягушка шлепается в воду обмелевшей Ботны, истощенное русло которой с обеих берегов охраняют высокие ряды камышей, этих стройных зеленых жандармов.

Мои дочки, мои милые девчонки! Как много нам предстоит сделать вместе, ведь впереди – вся жизнь. Можем сгонять в Париж, и не обязательно лезть в толпу бестолковых туристов, снимающих лабиринты Диснейленда, по которым они путешествовали миллион раз, благодаря роликам таких же туристов, выложенным в интернет для того, чтобы вы поделились своими роликами. Будем играть в прятки: я буду искать, в распоряжении же Мишель и Анастасии – весь Монмартр. Или Елисейские поля, или даже Булонский лес – я согласен на легкую панику, представляя, как девчонки давятся от смеха, наблюдая из своих укрытий, как их сумасбродный отец носится по чужому городу, распугивая парижан выкриками имен собственных дочерей.

Я хлопаю себя по карману брюк, и Ключ отпечатывается на моем бедре, как невидимая татуировка. Вставляя его в замочную скважину, дед всегда упирался в дверь коленом и коротко кашлял, прежде чем повернуть Ключ в замке. За широкое кольцо дед подвешивал Ключ на первый из трех крючков настенной вешалки, планка которой была вбита в стену прихожей, справа от входной двери. Вот он, Ключ, на моей ладони: гладкая ножка между кольцом ушка и рифленой бородкой с оцарапанными зубцами.

На мой ленивый замах река отзывается беззвучным хлопом, от которого расходятся скупые круги, моментально поглотившие Ключ в мутной воде. Сужаясь и обрастая камышами, медленно и безнадежно поглощаемое сушей, русло Ботны уходит вверх по течению, насколько хватает взгляда, извиваясь до самого горизонта, куда по вечерам закатывается солнце. Пожалуй, стоит привести сюда дочерей, до Парижа и наших предынфарктных прятков. Встать на мосту, вдыхая болотный воздух обмелевшей речки, глядеть на холмы на горизонте в ожидании того, чего не увидеть ни в каком Париже. Тяжелое вечернее небо в неподвижных одиночных облаках, между которыми пробиваются лучи наших надежд.

Лучи лучшего в мире заката.